

Хью Томас

**ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА
В ИСПАНИИ.
1931—1939 гг.**

Хью Томас

Гражданская война в Испании. 1931-1939

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=613325

Гражданская война в Испании. 1931-1939 гг.: Центрполиграф; М.; 2003

ISBN 5-9524-0341-7

Аннотация

В книге подробно освещены этапы Гражданской войны в Испании, завершившейся установлением фашистской диктатуры Франко. Автор на основе богатейшего документального материала дает всестороннюю объективную оценку событий сложной исторической эпохи, приводит интересные факты, малоизвестные современному читателю.

Содержание

Книга первая	8
Глава 1	8
Глава 2	22
Глава 3	36
Глава 4	53
Глава 5	64
Глава 6	76
Глава 7	90
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Хью Томас

Гражданская война в Испании. 1931–1939 гг

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА В ХОДЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ

АГИРРЕ, Хосе Антонио – президент Республики Басков

АЛЬВАРЕС дель Вайо, Хулио – писатель, социалист

АРАНДА, Антонио – генерал армии националистов

АСАНЬЯ, Мануэль – президент республики

БЕСТЕЙРО, Хулиан – социалист

ВАРЕЛА, Хосе – генерал армии националистов

ГАРСИА, Валиньо Рафаэль – генерал армии националистов

ГАРСИА, Оливер Хосе – анархист

ХИРАЛЬ, Хосе – сторонник Асаньи

ГОДЕД, Мануэль – командующий частями на Балеарских островах, генерал армии националистов

ГОЙКОЭЧЕА, Антонио – лидер монархистов

ГОМА – кардинал, примат Испании, архиепископ Толедо

ДАВИЛА, Фидель – генерал армии националистов

ДИАС, Хосе – коммунист

ДУРРУТИ, Буэнавенура – анархист

ХИЛЬ РОБЛЕС, Хосе Мария – лидер католической

партии Испании

КАЛЬВО СОТЕЛО, Хосе – монархист

КАСАРЕС КИРОГА, Сантьяго – премьер-министр
перед войной и лидер партии автономии Галисии

КЕЙПО ДЕ ЛЬЯНО, Гонсало – генерал армии
националистов, глава корпуса карабинеров

КОМПАНЫС, Луис – президент Каталонии

ЛАРГО КАБАЛЬЕРО, Франсиско – социалист

ЛЕДЕСМА, Рамос Рамиро – фалангист

ЛЕЙСАОЛА, Хесус Мария – министр юстиции
Республики Басков

МАРТИНЕС, Баррио Диего – спикер кортесов

МЬЯХА, Хосе – генерал армии республики

МОЛА, Эмилио – генерал армии националистов,
военный губернатор Памплоны

МОНТСЕНЬ, Федерика – анархистка

НЕГРИН, Хуан – социалист

НИН, Андрес – член POUM, полутроцкистской
партии

ОРГАС, Луис – генерал, монархист

ПАССИОНАРИЯ (Долорес Ибаррури) –
коммунистка

ПРИЕТО, Индалесио – социалист

ПРИМО ДЕ РИВЕРА, Хосе Антонио – фалангист

РЕДОНДО, Онесимо – фалангист

РОХО, Висенте – генерал армии республики

САНХУРХО, Хосе – генерал армии националистов

СЕРРАНО, Суньер Рамон – фалангист

ФАЛЬ КОНДЕ, Мануэль – карлист

ФРАНКО, Франсиско – командующий частями на Канарских островах, генералиссимус армии националистов

ЭРНАНДЕС, Хесус – коммунист

ЭРНАНДЕС, Сарабиа Хосе – генерал армии республики

ЯГУЭ, Хуан – генерал армии националистов

НАЗВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ГРУПП И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

CEDA (Confederación Española de Derechas Autónomas) – Испанская конфедерация автономных правых (католическая партия)

CNT (Confederación Nacional del Trabajo) – Национальная конфедерация труда (анархо-синдикалистские профсоюзы)

FAI (Federación Anarquista Ibérica) – Федерация анархистов Иберии

JONS (Juntas de Ofensiva National-Sindicalista) – Хунт национал-синдикалистского наступления, фашисты

POUM (Partido Obrero de Unificación Marxista) – Рабочая партия марксистского единства (троцкисты)

PSUC (Partido Socialista Unificado de Cataluña) – Объединенная социалистическая партия Каталонии

UGT (Unión General de Trabajadores) – Всеобщий союз трудящихся (социалистические профсоюзы)

UME (Unión Militar Española) – Военный союз Испании, группа правых офицеров

UMR (Unión Militar Republicana) – Военный союз

республики, группа офицеров-республиканцев

Книга первая ИСТОКИ ВОЙНЫ

Глава 1

Заседание кортесов 16 июня 1936 года. – Правительство Касареса Кироги. – Выступление Хилья Роблеса. – Угрозы демократическому строю. – Кальво Сотело. – Пассионария. – Спор Кальво Сотело с премьер-министром.

Кортесы, парламент Испании, находятся в здании, расположенном на середине склона холма между музеем Прадо и Пуэрта-дель-Соль¹. Его двери охраняют бронзовые львы, отлитые из пушек, захваченных во время войны в Марокко. Над коринфскими колоннами здания красуется гранитный фронтон, где фигура Справедливости с надеждой обнимает символ Труда. Сегодня коридоры, отделанные золотом, и салоны кортесов используются только от случая к случаю, когда почтенные сановники формально одобряют декреты главы государства. Тем не менее 16 июня 1936 года к этому зданию в классическом стиле было приковано внимание всей Испании.

Прошло более пяти лет с того дня, когда Альфонс XIII,

последний король из рода Бурбонов, оставил трон Испании, чтобы, как он представил свое отречение, избежать бедствий гражданской войны. Этим он хотел поднять свое значение в глазах народа. Пять лет продолжалась непрестанная парламентская активность. До отречения короля восемь лет, с 1923-го по 1931 год, страной правил добродушный военный диктатор Primo de Rivera. Тогда здание кортесов пустовало, как и сегодня. И теперь, в июне 1936 года, парламентская жизнь в Испании, казалось, снова затухала.

На синих скамьях полукруглого зала заседаний кортесов собралась взволнованная группа не старых еще либералов, типичных представителей среднего класса. Честные и интеллигентные люди, они и их сторонники ненавидели насилие.

Они восхищались демократическим путем развития Британии, Франции и Америки. Тем не менее они были одиноки среди своих современников-испанцев, одиноки даже в обществе четырехсот других депутатов, которые сидели и рядом с ними, и стояли наверху, толпясь в переполненном зале заседаний². Члены правительства отличались фанатизмом, который трудно было представить в странах с практическим образом мышления, хотя и надеялись внедрить его в Испании.

Вот, например, премьер-министр Сантьяго Касарес Кирога³. Богач из Галисии, он большую часть жизни добивался самоуправления для своей бедной провинции, хотя сумел всего лишь добиться постройки железнодорожной линии⁴. Хо-

тя Касарес, казалось, действовал в соответствии с либеральными принципами Вильсона, сформулированными далеко за Пиренеями, невозможно было представить себе большего испанца, чем он. Касарес был страстным либералом, когда на фоне подъема организованного рабочего движения либералы казались анахронизмом, поскольку боролись с феодализмом. Но так как в Испании не произошла революция подобно Французской 1789 года, вряд ли кто-то мог протестовать против политики Касареса и его друзей. И друзья и враги помнят, что в первые годы республики, 1931–1932 годы, глаза Касареса Кироги (тогда он был министром внутренних дел) горели поистине святым огнем. Теперь он сохранил только странный иронический оптимизм, который можно было объяснить лишь симптомом туберкулеза, которым он страдал. До чего прав был Томас Манн, утверждая в своей «Волшебной горе», что эта болезнь выражает сложности либеральной цивилизации, представителем которой в Испании и был Касарес!

Суть кризиса в Испании открылась обществу именно 16 июня 1936 года устами Хилия Роблеса, художавого молодого лидера испанской католической партии CEDA. Он напомнил, что со времени февральских выборов правительство наделено исключительными правами, включая введение цензуры прессы и приостановление всех конституционных гарантий. Тем не менее, сказал он, в течение этих четырех месяцев были дотла сожжены 160 церквей, состоялось 269 гром-

ких политических убийств и 1287 попыток таковых различной степени серьезности. Разрушены 69 политических центров, прошли 113 всеобщих стачек и 288 забастовок на местах, было разгромлено 10 редакций. «Давайте не будем обманывать себя, – заключил Хиль Роблес. – Страна может жить при монархии или при республике, с парламентским или президентским строем, при коммунизме или фашизме! Но она не может жить в анархии. Теперь же, увы, в Испании царит анархия. И сегодня мы присутствуем на похоронах демократии!» Зал взорвался гневными криками – часть депутатов возражали, другие соглашались⁵.

Но жизнь в стране в условиях существования режима действительно отвечала словам Хиля Роблеса. Непрерывные волны насильственных преступлений усугублялись борьбой крайних сторон политического спектра, которые готовились к столкновениям военных формирований. «В воскресенье – все на улицы!» – таковы были призывы многих испанских политических лидеров. Ни Касарес Кирога, ни Хиль Роблес, представлявшие две группировки, доминирующие в истории Второй республики, больше не могли контролировать ход событий. В кортесах и того и другого поддерживали депутаты, чьи цели значительно отличались от их собственных. На февральских выборах соперничали два альянса: Народный фронт и Национальный фронт. В первый входили либералы, представлявшие, подобно Касаресу, средний класс; крупная, но расколотая испанская социалистическая пар-

тия, маленькая, но сплоченная коммунистическая партия и несколько небольших групп рабочего класса. За социалистической партией стоял мощный профсоюз UGT (Всеобщий союз трудящихся) – одно из лучших организованных рабочих движений Европы. В Национальный фронт входили CEDA и испанские монархисты, фашистская фаланга и другие партии среднего класса. Его можно было считать политическим фронтом всех сил старой Испании – крупнейших землевладельцев юга страны, армии, а также церкви и буржуазии. В выборах участвовали и другие партии, которые причисляли себя к центру. Но их быстрое исчезновение доказало, насколько срединный путь не подходил испанцам.

Февраль 1936 года принес победу Народному фронту. В силу странностей испанского избирательного закона он преобладал в кортесах, так как за него было подано значительно больше голосов, чем можно было предполагать. Впоследствии далеко не все партии избирательного блока приняли участие в работе правительства. Его составили почти исключительно либеральные республиканцы⁶, поскольку они имели большинство в различных группировках рабочего класса. Но это не могло стать условием для создания сильного правительства. Особенно не повезло Испании в 1936 году, когда партии рабочего класса охватило непрерывное революционное брожение. Но они по крайней мере сотрудничали с демократической системой, стремясь завоевать места в кортесах; а вот вне их пределов оставалась огромная ар-

мия примерно из двух миллионов рабочих-анархистов, только в Андалузии и Барселоне, кое-как организованных в CNT (Национальная конфедерация труда). Втайне ими управляло тайное общество FAI, (Федерация анархистов Иберии). Огромное, занятое лишь собой темпераментное движение, уже раздираемое анонимными насильственными действиями, как большой город во время войны, оказалось настроенным против прогрессивного правительства Касареса Кироги – точно так же, как в прошлом и против правительства правых. Кроме того, не приходилось списывать со счетов и армию. Кто в начале лета в Мадриде не питался слухами о существовании заговора высших генералов, готовых к установлению «порядка» или просто к военной диктатуре? И действительно, стоило Хилу Роблесу завершить свое выступление в кортесах, как депутаты-социалисты уверенно заявили, что церкви поджигали «агенты-провокаторы» для углубления кризиса, свержения правительства и оправдания военного переворота.

В среде социалистов царил полный разброд. Одни считались либеральными реформаторами, другие – интеллектуальными фабианцами, третьи относились к страстным революционерам. Одна их часть испытывала головокружение от лести коммунистов, а другую ужасал рост коммунистического влияния. Но все громогласно соглашались с обвинениями, которые их ораторы выдвигали против правых.

Когда возбуждение в кортесах стихло, торжественно под-

нялся лидер монархистов Хосе Кальво Сотело. Как и Касарес Кирога, он был уроженцем Галисии; но ему, как и Касаресу, недоставало спокойного бесстрастия, которым отличался этот влажный район страны. Кипела ли в нем цыганская кровь? Обладал ли он той силой, о которой говорили правильные черты его лица? Всем знакомы были его бурный темперамент, красноречие и выдающиеся способности. Оставив в 1915 году Сарагосский университет, он стал личным секретарем Мауры⁷, самого умного и нестигаемого премьер-министра Альфонса XIII. Вскоре Маура назначил Сотело гражданским губернатором⁸ Валенсии. Ему было тогда двадцать пять лет. В тридцать два года он получил из рук генерала Примо де Риверы министерство финансов. Первые годы существования республики он благоразумно провел в Париже, дабы избежать обвинений в сотрудничестве с тиранией со всеми вытекающими последствиями, и вернулся в Испанию, когда республика укрепилась. Будучи избранным в кортесы как монархист, на самом деле он вообще не придерживался никаких доктрин, кроме оправданной веры в свои незаурядные административные способности. Его целью было затмить Хиля Роблеса. Оказавшись на вершине власти, он действовал так, словно был убежден – будущее Испании конечно же в его руках.

«Хаос в Испании, – сказал он в речи, постоянно прерываемой репликами с мест, – это результат демократической Конституции 1931 года. Исходя из нее невозможно по-

строить крепкое жизнеспособное государство. Против такого стерильного государства, неспособного к существованию, я выдвигаю идею единой сплоченной страны, которая обеспечит экономическую справедливость и со всей властью заявит: «Больше никаких забастовок, никаких локаутов, никаких ростовщиков, никаких злоупотреблений, никаких нищенских зарплат, никаких политических доходов, получаемых в силу счастливых случайностей⁹, никаких анархических свобод, никаких заговоров против выпуска продукции! Национальный продукт будет служить благу всех классов, всех партий, всеобщим интересам. Государство может называться фашистским, если оно действительно будет таковым, и в таком случае я, который верит в него, с гордостью назову себя фашистом!»

Шум от аплодисментов и оскорбительных реплик наконец стих, и Сотело продолжил: «Когда я слышу разговоры об опасности со стороны генералов-монархистов, то только улыбаюсь, поскольку не верю, а вы не откажете мне в определенном, — он сделал паузу, — моральном праве на такое предположение, что в испанской армии найдется хоть один солдат, который выступит за монархию против республики. И если таковой найдется, то он должен быть сумасшедшим — именно сумасшедшим, говорю я со всей серьезностью, ибо невозможно представить себе солдата, который не станет защищать Испанию против анархии, если в этом возникнет необходимость».

Спикер кортесов, смуглый, с тяжелой челюстью Диего Мартинес Баррио, призвал Кальво Сотело воздержаться от таких заявлений, ибо его намерения могут быть превратно истолкованы. Спикер был опытным политиком из Севильи, хотя и непонятного происхождения; как-то краткое время он занимал даже пост премьер-министра. Теперь Мартинес был лидером так называемой Объединенной республиканской партии. В настоящее время он в своей политической деятельности не без успеха пропагандировал идеи компромиссов. Для Испании это не было характерно, и противники объясняли, что своим взлетом Баррио обязан его оккультной властью как масона тридцать третьей ступени.

Премьер-министр осторожно ответил Кальво Сотело: «После таких слов вашего превосходительства ответственность за любое развитие событий ляжет на вас. Сегодня вы явились сюда, имея в виду лишь две цели: обвинить парламент в импотенции и возбудить армию, заставив ее отказаться от преданности республике. Но заверяю вас, парламент будет работать. И армия станет выполнять свои обязанности».

Следующей взяла слово самая знаменитая коммунистка Испании Долорес Ибаррури, известная под именем Пассионария.

Всегда в черном, с мрачным, фанатичным выражением лица, которое заставляло массы считать Ибаррури святой революционеркой. Ей было около тридцати пяти лет. В юно-

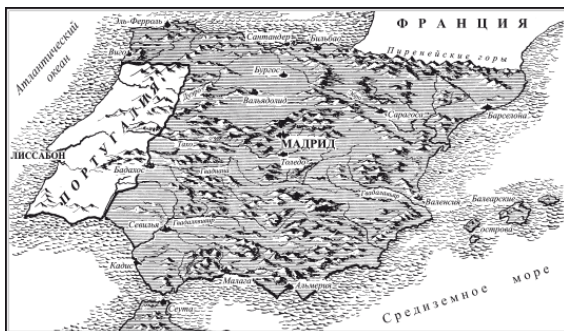

сти Долорес была убежденной католичкой. В те времена она бродила от деревни к деревне в Земле Басков, продавая сардины, которые таскала на большом подносе на голове. Долорес Сардинера вышла замуж за шахтера из Астурии, одного из забытых основателей коммунистической партии Северной Испании. От преданности Божьей Матери из Бегонии она перешла к преклонению перед пророком из читального зала Британского музея. Пассионария обрела известность призывом к испанским женщинам рожать сыновей без обузы замужества. Правые распространяли слухи, что однажды она зубами перегрызла горло священнику. Долорес стала известным оратором, превратив едва ли не в искусство подбор слов во время выступления. Но ее личность стала далеко не такой влиятельной, как она старалась продемонстрировать перед публикой, с тех пор, как Пассионария безропотно подчинилась партийным указаниям из Москвы. Тем не менее в кортесах она считалась безоговорочным лидером малочисленной Испанской коммунистической партии. В кортесах было всего 16 депутатов-коммунистов, а по всей стране партия насчитывала лишь 30 000 членов.

Выступая 16 июня в кортесах, она окрестила испанских фашистов обыкновенными бандитами. Разве не существовало фашистского Интернационала, управляемого из Берлина и Рима, который уже определил день, когда он рассчитается со своими врагами в Испании?

Вслед за ней взял слово Вентоса, каталонский бизнесмен,

который выразил обеспокоенность откровенным оптимизмом премьер-министра. Вентоса был «политическим лейтенантом» Франсиско Гамбы, крупнейшего предпринимателя Барселоны и, наверное, богатейшего человека в Испании. Ходили слухи, что Гамба уже перевел все свое состояние за границу. И вопрос теперь заключался в том, считать ли этот факт поводом для надежды или тревоги. Правительство так и не могло ответить на него.

Карта 1. Физическая карта Испании

Тем временем Хоакин Маурин, лидер полутроцкистской марксистской партии POUM, объявил, что в стране уже сложилась «предфашистская» ситуация. Затем снова поднялся Кальво Сотело, чтобы ответить премьер-министру. «Плечи у меня широкие и крепкие, – сказал он. – Я не уклоняюсь и с удовольствием приму на себя ответственность за все, что делаю... Я вспоминаю, как святой Доминик из Силоса¹⁰ ответил испанскому королю: «Сир, вы можете взять мою жизнь,

но больше вам ничего не достанется». Разве не лучше умереть со славой, чем влачить презренную жизнь? Но и я, в свою очередь, прошу премьер-министра задуматься над своей ответственностью если не перед Богом, поскольку премьер атеист, то хотя бы перед своей совестью, если он считает себя честным человеком». Затем он напомнил, какую роль сыграли Керенский и Каройи, фактически отдав Россию и Венгрию во власть коммунистов. «Мой почтенный друг не сможет быть Керенским, поскольку он осознает смысл своих деяний. Он отлично знает, о чем умалчивает и о чем думает. Бог не позволит в полной мере сравнить его с Каройи, который сознательно предал тысячелетнюю цивилизацию!»

Кальво Сотело сел. И зал взорвался криками и аплодисментами.

Отклики этих дебатов с их угрозами и предупреждениями эхом отдались по всей Испании. Они дошли и до президента, дона Мануэля Асаньи, который, будучи олицетворением республики, мрачно наблюдал из своего пышного одиночества в Национальном дворце¹¹, как рушатся все его надежды. Эти детали проложили дорогу и к тем генералам, которые до сего времени убивали свое ленивое ничегонеделание составлением планов военного мятежа против правительства. Они донеслись и до Хосе Антонио Примо де Риверы, сына прежнего диктатора и главы фаланги, испанских фашистов, в его тюрьму в портовом Аликанте, где его тщетно держали заложником хорошего поведения его сторонников. Они до-

стигли и анархистов, цель которых лежала вне стен кортесов. Они в полной мере проложили путь к двадцати четырем с половиной миллионам людей, которые в то время составляли население Испании. И к середине лета, когда в разгаре был сезон корриды, у всех сформировался невысказанный вопрос: «А не начнется ли война?»

Примечания

¹ Пуэрта-дель-Соль – оживленная центральная площадь Мадрида, откуда начинались многие революции. (*Здесь и далее примеч. авт.*)

² В кортесах Второй республики было 473 депутата.

³ Полное имя испанца состоит из имени собственного, полученного при крещении, фамилии отца (она же – и его собственная) и фамилии матери. В таком порядке они и располагаются. Испанцы часто называют себя полным титулом. Они могут опустить последнюю фамилию (то есть матери), но никогда не забудут назвать фамилию отца. Например, Касарес Кирога может назвать себя Касаресом, но никогда – Кирогой.

⁴ Необходимо отметить, что речь идет скорее об Испании, чем о Галисии, – автономия могла чего-то добиться только таким путем.

⁵ Данные из речи Хилия Роблеса никогда не были оспорены

правительством, и их следует считать достаточно точными. Многие из этих преступлений были совершены будущими союзниками Роблеса, испанскими фашистами из фаланги.

⁶ Две чисто республиканские партии, Республиканские левые и Республиканский союз, на самом деле были объединены с представителями сепаратистских партий Галисии и Каталонии, хотя они имели то же самое социальное происхождение.

⁷ Он шел на выборы с предельно простой программой: «Мы – это вы!» Основной лозунг оппозиции в то время был столь же лаконичен: он состоял из восклицания «Мауре – нет!».

⁸ Провинциями Испании управляли гражданские губернаторы, обитавшие в различных провинциальных «столицах». Они были политическими назначенцами и подчинялись министерству внутренних дел. Гражданский губернатор делил власть с командиром местного гарнизона, если дело касалось военных вопросов.

⁹ Все министры республики имели право на пенсию.

¹⁰ Доминик из Силоса – святой из местечка надалеко от Бургоса.

¹¹ Раньше (и позднее) его называли Королевским дворцом.

Глава 2

Расколы XIX века. – Крах абсолютистской монархии. – Клерикальные и либеральные ссоры и войны. – Реставрация и Регентство. – Крах парламентского строя при Альфонсе XIII. – Диктатура Примо де Риверы. – Его падение. – Падение монархии.

Эти дебаты в кортесах стали кульминацией тех страстных споров о судьбе Испании, которые почти без перерывов велись с 1808 года. В том году беспомощная абсолютная монархия униженно капитулировала перед Наполеоном. Но помощь британской армии под командованием герцога Веллингтона позволила испанскому народу в ходе Войны за независимость¹ изгнать из страны французов. Бурбоны вернулись в лице омерзительного Фердинанда VII, которого краткое время называли Желанным. Но с того времени монархия уже не считалась неприкосновенной.

Последующая половина столетия прошла под знаком борьбы за либеральную конституцию. Церковь и армия, два испанских института, которые в ходе Войны за независимость выжили и даже обрели определенный капитал доверия, заняли здесь противоположные позиции. Церковь неуклонно придерживалась консервативных взглядов, а армия – в основном либеральных, поскольку вся была пронизана

на ячейками свободомыслящих масонских лож. Так или иначе, эти споры едва не привели к войне². В 1820 году группа либеральных офицеров заставила короля Фердинанда принять конституцию, но тот в 1823 году ввел французскую армию, «сотни тысяч сыновей Святого Людовика», и снова отказался от нее. В 1834 году ожесточенные споры привели к Первой карлистской войне, когда церковь и страстные защитники местных прав на севере и северо-востоке восстали за дело дона Карлоса, брата недавно скончавшегося Фердинанда. Дон Карлос хотел воссесть на трон вместо своей малолетней племянницы Изабеллы II, единственной дочери Фердинанда. Изабелла одержала победу с помощью армии и либералов – и те и другие поддерживали желание Кастилии доминировать на полуострове. Глубокий конфликт частично носил характер религиозной войны, а частично – войны за отделение Испании. Завершилась она лишь в 1839 году победой либералов, хотя и неокончательной. Например, всем мятежным офицерам-карлистам было даровано право вступить в регулярную испанскую армию. В какой-то мере из-за этого (а частично из-за конфискации в 1837 году церковных земель³, что сильно подорвало заметное политическое влияние церкви) конфликт между либералами и консервативными церковниками принял форму непрерывных переворотов («пронунсиаменто»), которые совершали один генерал за другим – то в интересах либералов, то консерваторов. В середине XIX века такие «пронунсиаменто», в ходе кото-

рых гибли, как минимум, несколько человек, стали обычным способом смены правительств в Испании.

Эта странная эпоха закончилась в 1868 году, когда королева Изабелла II, нимфоманка, была изгнана Примо, самым крупным из испанских генералов либеральной ориентации. Если непосредственным поводом к изгнанию королевы стали чрезмерно близкие ее отношения с исповедником-карлистом, падре Кларе, то настоящей причиной стал протест против всей системы правления, в которой присутствия Изабеллы практически не чувствовалось. Тем не менее последующие семь лет оказались довольно непростыми. Во-первых, генералы обратились к брату короля Италии, герцогу Аосте, предложив ему стать испанским королем Амадео I. Но тот счел, что Испанией слишком трудно управлять, и через год отрекся от престола. Тогда в Испании была провозглашена Первая республика. Поскольку все регионы страны, которыми плохо управляли из Мадрида, волновались, республика получила название федеральной: провинции получили определенные права на местах.

Группа просвещенных мадридских интеллектуалов, которые и спланировали такое государственное устройство, была бессильна предотвратить сползание республики к всеобщему хаосу. На севере Испании снова поднялись карлисты под руководством внука старого претендента, получив по всему полуострову поддержку церкви. Многие прибрежные города на юге и юго-востоке объявили о своей полной независимо-

сти. И снова к власти пришла армия. Восстановив порядок, генералы решили, что нет иной альтернативы, кроме как посадить на трон юного сына покойной королевы Изабеллы, в то время кадета военного училища в Сандхерсте, под именем короля Альфонса XII.

Далее последовали тридцать лет испанской истории, известных как Реставрация и Регентство. Альфонс XII умер в 1885 году в возрасте двадцати восьми лет. Его сын, ставший Альфонсом XIII, родился уже после его смерти, и до 1902 года мать короля Мария-Кристина была при нем регентом. Номинально либеральную Конституцию провозгласили в 1875 году, но ее тут же осудили все политики: и либералы, и консерваторы. Всеобщее избирательное право для мужчин было формально введено в 1890 году. Но результаты выборов всегда фальсифицировались местными политическими боссами, так называемыми касиками. Массы людей в Испании пришли к выводу, что парламентская система – это всего лишь способ отрешить их от всякой политической деятельности.

Такова была одна из причин широкого распространения синдикалистских идей в среде рабочего класса. Ко времени Первой мировой войны в Испании существовали два очень мощных профсоюзных объединения. Первое – CNT (Национальная конфедерация труда), в котором доминировали анархистские идеи Бакунина, а второе – UGT (Всеобщий союз трудящихся) – считалось марксистским, хотя скорее бы-

ло реформистским и фабианским, нежели большевистским. Социалисты из UGT сотрудничали с режимом ради выборов в кортесы – и в городах, где касикам было куда труднее манипулировать с голосами, одерживали победы на выборах. Но для анархистов из CNT власть была чем-то грязным, поэтому насилие, убийства и поджоги, к которым с 1890 года неизменно прибегали вооруженные анархисты, вносили в жизнь государства постоянное напряжение и беспокойство.

Тем не менее к краху Конституции, введенной при Реставрации, привели две главные проблемы. Первая – это вопрос о Каталонии. Каталонцы всегда требовали признания своего отличия от всей прочей Испании. Особенно это проявилось во время карлистских войн. Тем не менее «каталонский вопрос» потерял бы свою остроту, если бы Барселона не стала центром испанской промышленности. Раздражение из-за некомпетентности центрального правительства в Мадриде, а также высокие импортные тарифы, которых требовали кастильские землевладельцы, оберегающие цены на свою пшеницу и оливки, привели к тому, что на рубеже столетий новые богачи из Барселоны стали каталонскими националистами. Начали бурно возрождаться каталанский язык, обычаи и художественные традиции. Под анархистским влиянием в рабочей среде и в атмосфере радикальной демагогии Барселона обрела репутацию самого беспокойного города Европы. Роскошные особняки, обожаемые процветающими буржуа, не могли скрыть роста анархистской преступно-

сти. Кульминацией этих лет стала «Трагическая неделя Барселоны» в 1909 году.

Испанская армия потерпела под Мелильей сокрушительное и оскорбительное поражение. Правительство приказало каталонским резервистам отправляться в Марокко на подкрепление. Это вызвало в Барселоне неделю бунтов. Видно было, что бунты эти не имели ни руководителей, ни цели, хотя можно предположить, что радикальный и антикаталонский демагог Лерру всеми силами старался способствовать насилию. Были преданы огню сорок восемь церквей и других религиозных учреждений. Пьяные рабочие устраивали на улицах ритуальные танцы с извлеченными из могил трупами монахинь. Когда эти бунты были подавлены, каталонские бизнесмены, столкнувшиеся с новой угрозой в лице рабочего класса, в целом уже были готовы к компромиссу с центральным правительством. Но рабочие Барселоны продолжали призывать своих товарищей по всей Испании к протестам против правления короля Альфонса. В 1917 году всеобщая стачка с участием социалистических и анархистских профсоюзов распространилась из Барселоны по всей стране. К удивлению ее лидеров, армия (которая сама была восприимчива к идеям синдикализма и, похоже, готова объединиться с рабочим классом) сохранила верность королю и расстреляла забастовщиков. Несмотря на непрерывные уличные бои и массовые убийства, совершавшиеся анархистами и «агентами-provокаторами», в Барселоне было вве-

дено военное положение.

Причиной второго кризиса режима стала марокканская война, в которой испанская армия завязла до 1927 года. Унизительная серия военных неудач увенчалась поражением под Ануалом в 1921 году, когда король Альфонс вынудил одного из командиров на поле боя, генерала Сильвестре, к непродуманным действиям. Предполагалось, что парламентское расследование обвинит и армию, и монарха.

К 1923 году испанская парламентская система дышала на ладан. Брожения в Каталонии и война в Марокко, постоянная угроза, исходящая от анархистского профсоюза CNT (число его членов уже превысило миллион человек, главным образом за счет рабочих Барселоны и Андалузии), – все это было не по силам королевским политикам. И король Альфонс навряд ли смог бы отвергнуть ультиматум, выдвинутый в стиле «пронунсиаменто» XIX века генералом Мигелем Примо де Риверой, капитан-генералом Каталонии: «На нашей стороне основания и к тому же сила, хотя пока мы пользовались ею очень сдержанно. Если мы сочтем, что попытка заставить нас пойти на компромисс со своей совестью окажется бесчестной, мы потребуем серьезных наказаний для виновных и претворим их в жизнь со всей неуклонностью. Ни я, на гарнизоны Арагона, от которых я только что получил телеграмму о поддержке, не согласятся ни на что иное, кроме военной диктатуры. Если политики предпримут попытку защититься, мы сделаем то же самое, полагаясь на по-

мощь народа, у которого огромные запасы энергии. Пока мы придерживаемся политики сдержанности, но в то же время мы не остановимся и перед пролитием крови»⁴.

Наступила диктатура генерала Примо де Риверы. Она длилась до января 1930 года. Это был довольно любопытный период времени. Король Альфонс представил Примо де Риверу королю Италии Виктору-Эммануилу как «моего Муссолини». Но генерал не был фашистом. Он не требовал восторженной поддержки масс, не вел экспансионистскую внешнюю политику. Хотя он арестовал тех, кто протестовал против его правления (и запретил все политические партии), по сути, в течение семи лет его власти настоящих политических преследований не было. Амбициозная программа общественных работ (строительство автотрасс и особенно железных дорог) создала режиму видимость процветания. Кроме того, конец 20-х годов был временем бума. Финансовая политика молодого Кальво Сотело, министра финансов, обеспечила Примо де Ривере поддержку национально-го капитала. С помощью Франции диктатор положил конец воспаленной язве марокканской войны, чей скандальный характер (и по ходу военных действий, и по расходам) был основной причиной, из-за которой он и пришел к власти⁵. Тем не менее характер диктатуры определялся лишь личностью самого Примо де Риверы. Он отличался неподдельным патриотизмом, сравнительным великодушием и личной храбростью. Как-то он закурил в театре, хотя всюду висели объяв-

ления о запрете курения; когда ему сообщили об этом, он встал с сигарой в руке и объявил: «Сегодня вечером все могут курить!» Он мог неделями работать, не разгибая спины, а затем исчезнуть, чтобы танцевать, пить и заниматься любовью с цыганками. Его встречали едва ли не в одиночестве на улицах Мадрида, закутанного в оперный плащ, когда он бродил из одного кафе в другое, а по возвращении домой писал многословное и порой ядовитое коммюнике – впрочем, наутро он мог его и отменить.

Падение Примо де Риверы свершилось частично из-за его презрения к либералам и профессионалам из среднего класса, частично из-за кризиса 1929 года, положившего конец всем грандиозным финансовым замыслам, которые он поддерживал. Когда генерала оставил даже его министр финансов Кальво Сотело, он предпринял экстраординарный шаг, разослав по всем гарнизонам Испании телеграммы, в которых объявлял, что уйдет в отставку, если офицерское братство выскажется против него. Что братья-офицеры и сделали – и он в самом деле подал в отставку. «И теперь, – сообщил он в последнем из своих знаменитых коммюнике, – и теперь можно немного отдохнуть после 2326 дней непрестанных волнений, беспокойств и трудов». Он оставил Испанию и через несколько месяцев умер во второразрядном парижском отеле на Рю дю Бак, разделив последние часы между борделем и исповедником.

Примо де Ривера не оставил после себя никаких основ

для будущего режима. Какое-то время король пытался править подобно Примо де Ривере, через собрание министров, управлявшееся генералом. Но в испанском обществе не было влиятельных сил, поддерживавших трон. Многие из армейских офицеров считали, что король обесчестил себя, приняв отставку генерала. Церковь придерживалась неопределенных позиций; многие из ее самых влиятельных фигур (учитывая и взгляды, близкие вильсоновским, папы Пия XI) считали, что стоило бы восстановить демократическую систему, если это вообще возможно. Ни буржуазия, ни низшие классы не связывали никаких надежд с дальнейшим существованием монархии. Осенью 1930 года был подписан пакт между некоторыми республиканскими политиками и интеллектуалами, социалистами (которые раньше сотрудничали с диктатурой генерала Примо де Риверы), а также защитниками региональных прав Каталонии. Три известных интеллектуала, доктор Мараньон, дон Хосе Ортега-и-Гассет и романист Перес де Айала, организовали «Лигу в защиту республики». Ортега произнес знаменитую лекцию, начав ее словами: «Испанцы! Вашего государства больше не существует! Нет монархии!» В декабре по старым рецептам XIX столетия был подготовлен переворот.

Заговорщики выпустили следующее воззвание: «Страстное требование Справедливости идет из самых низов нации. Возлагая все свои надежды на республику, люди уже вышли на улицы. Мы хотели бы претворить в жизнь народные ча-

нения в соответствии с требованиями Закона. Но нам преградили этот путь. Когда мы требовали Справедливости, нас лишали Свободы. Когда мы требовали Свободы, нам предлагали куцый парламент, основанный на жульнических выборах и созданный диктатурой инструмент в руках короля, который уже нарушил Конституцию. Мы не жаждем кульминации революционной драмы. Но нас глубоко трогает униженное состояние народа Испании. Когда существуют Закон и Справедливость, революция всегда будет преступлением или актом сумасшествия. Но она всегда возникает при господстве Тирании».

Последствия не заставили себя ждать. Во-первых, гарнизон в Хаке, возглавляемый двумя горячими молодыми офицерами, Фермином Таланом и Гарсиа Эрнандесом, восстал против короля еще до того, как конспираторы в остальной Испании дали о себе знать. Они вели своих людей на Сарагосу, но были захвачены и расстреляны за мятеж. Говорили, что сам король вмешался, чтобы предотвратить отсрочку приговора. Но возмущение было велико. И когда судили остальных гражданских заговорщиков, они защищались, заявляя, что король сам нарушил конституцию, признав диктатуру Примо де Риверы. После краткого срока тюремного заключения их освободили. Учитывая настроения в обществе, король счел невозможным отменять муниципальные выборы, они были назначены на 12 апреля 1931 года.

Карта 2. Регионы и провинции Испании

Когда начали поступать их результаты, стало ясно, что во всех крупных городах Испании кандидаты, поддерживавшие монархию, потерпели сокрушительное поражение. В таких городах, как Мадрид и Барселона, за республиканцев было отдано подавляющее большинство голосов. Но всем было хорошо известно, что в сельских местностях касики еще обладают достаточным влиянием, чтобы не допустить честного голосования⁶. Вечером следующего за выборами дня на улицах Мадрида стали собираться огромные толпы. Самые близкие друзья короля посоветовали ему незамедлительно покинуть столицу, чтобы предотвратить кровопролитие. Помедлив, Альфонс с достоинством оповестил: «Воскресные выборы доказали, что я больше не пользуюсь любовью своего народа. Я мог бы очень легко найти средства для все-

мерного поддержания королевской власти, но я решил не делать ничего, чтобы мои соотечественники не выступили друг против друга в братоубийственной гражданской войне. И, повинаясь голосу народа, я добровольно слагаю с себя свои королевские prerogatives». И с этими высокопарными и в чем-то даже загадочными словами король уехал из Мадрида к побережью, откуда отправился в изгнание.

Примечания

¹ Нет никаких оснований сомневаться, что восстание против войск Мюрата и Жозефа Бонапарта было в полной мере народным и национальным. Фихте в своем «Обращении к немецкому народу» назвал это событие успехом «вооруженного народа» и призвал разделенную Германию последовать примеру Испании.

² В самом начале этого мрачного полустолетия восстали почти все испанские колонии в Центральной и Южной Америке и, вдохновляемые либеральными идеями, стали независимыми государствами, которыми остались и поныне.

³ Церковь получила компенсацию наличными и другими благами. Так, например, сельские священники стали получать зарплату от государства.

⁴ Из документа, который граф Романонес огласил в кортесах в декабре 1931 года, во время «суда над Альфонсом

ХIII».

⁵ Марокканская война оказывала разлагающее влияние на испанскую армию. В 1895 году во время кампании против рифов был убит главнокомандующий испанского экспедиционного корпуса. Его застрелил лично Примо де Ривера за то, что тот торговал оружием с врагами.

⁶ Конечные результаты этих выборов никогда не были опубликованы, и, наверное, их даже никогда не подсчитывали до конца. К двум часам дня 13 апреля было известно, что выбрано 22 150 монархистов и 5875 членов республиканских партий.

Глава 3

Рождение Второй республики. – Состав ее первого правительства. – Алькала Самора. – Радикалы. – Чистые республиканцы. – Асанья. – Institución Libre de Enseñanza. – Ларго Кабальеро, Индалесио Прието и испанские социалисты. – «Эскерра» и каталонские националисты. – Кардинал Сегура.

«Юная и серьезная Испания наконец явилась во всем своем величии!» – восторженно восклицали в 1931 году счастливые республиканцы. И кроме того, монархия была свергнута без кровопролития. Новое правительство с удивительной легкостью заняло мадридские министерства. Первым премьер-министром республики стал Нисето Алькала Самора, юрист из Андалузии, обладавший типичным для этого региона цветистым красноречием в стиле XIX века. Когда-то, перед диктатурой Примо де Риверы, он был королевским министром, но сейчас, пока он и другие члены кабинета медленно ехали по Мадриду к министерству внутренних дел, их окружали восторженные толпы горожан. И дон Нисето, и Мигель Маура¹, который стал министром внутренних дел, оба несли непосредственную ответственность за немедленное восстановление порядка в стране. Они были католиками, тем не менее считалось, что в последние дни монархии они выражали согласие лишь с самым скромным при-

сутствием испанской церкви. Но разве не ходили слухи, что «сельские священники голосовали за республику» на тех самых знаменитых муниципальных выборах?

Все же остальные члены республиканского кабинета были антиклерикалами, если не атеистами. Среди них оказалось и два члена радикальной партии, которые обрели дурную славу в Барселоне еще в начале столетия. Алехандро Лерру, бывший ризничий и крупье, сын андалузского ветеринара, основатель радикальной партии, который в юности называли «императором Паралело» (квартала борделей в Барселоне), стал министром иностранных дел. Возраст все же охладил страсти этого прожженного демагога. Он уже больше не был тем человеком, который в 1905 году призывал своих сторонников из трущоб Барселоны восстать против хозяев и церкви: «Молодые варвары сегодняшнего дня! Уничтожьте и вышвырните декадентскую цивилизацию этой несчастной страны. Разружьте ее храмы, покончите с ее богами, сорвите покровы с ее послушниц и обрухайте их, чтобы они стали матерями! Деритесь, убивайте и умирайте!» Церковь не знала, что Лерру, придя к власти, едва ли не обрел репутацию. Его включение в состав кабинета вместе со своим скромным помощником Диего Мартинесом Баррио, масоном высокой степени из Севильи, вызвало сильнейшее беспокойство в церковной иерархии.

Среди первых министров молодой республики существовала более известная группа антиклерикальных политиков,

чем эти два радикала. Представители среднего класса или профессионалы, представлявшие тысячи таких, как они, были прямыми наследниками либеральных реформаторов XIX века. Они следовали кадисской Конституции 1812 года и хотели положить конец всем монашеским орденам, всем большим поместьям, всем бюрократическим преградам торговле или свободе производства. Кроме того, особо надо подчеркнуть, что их интеллектуальный кругозор сформировался в рамках *Institución Libre de Enseñanza* (Свободного института образования), основанного во время Реставрации группой университетских преподавателей, которые отказались присягнуть в верности «Церкви, Короне и Династии» и соответственно отстранены от преподавания. В институте господствовали взгляды идеалистического пантеизма Германа Краузе, чьи лекции первый лидер мятежных преподавателей Сан-дель-Рио посещал в Берлине. Сначала институт держался вне политики. Но в истории Испании не существовало периода, когда бы защитники свободного образа мыслей были политически нейтральны. Пусть и неохотно, но сторонники института, любители интеллектуальных истин, возглавляемые профессором Франсиско Хинером де лос Риосом, все же втянулись в политику. Именно они обеспечили расцвет испанской культуры, последовавший после потери последних колоний в испано-американской войне 1898 года². Позже дух института вдохновлял самых известных интеллектуальных оппонентов диктатуре генерала Примо де Риверы.

В новом кабинете 1931 года республиканцев представляло несколько человек. Среди них был Фернандо де лос Риос, племянник основателя института, сам бывший профессор университета Гранады. Вообще-то он был социалистом, но, обладая ярким кастильским слогом речи, все же оставался гуманистом и отнюдь не примерным членом любой марксистской партии³. Входили в кабинет также и Касарес Кирогга, юрист из Галисии, которому в самом начале Гражданской войны довелось занимать пост премьер-министра (в 1930 году он был отправлен в гарнизон Хаки с указанием отложить подготовленное восстание, но прибыл слишком поздно), Хакобин Альваро де Алборнос, школьный учитель, и Марселино Доминго, теоретик педагогики.

В 1931 году военным министром стал Мануэль Асанья, который, хотя и не считал себя учеником института, как ни странно, полностью выражал его взгляды. Живи он в более благоустроенной стране, мог бы посвятить свою жизнь литературе. Опубликовал массу своих речей и, кроме того, блистательные переводы Джорджа Борроу, Бертрана Рассела и Стендаля, а также автобиографический роман о своих школьных годах и немалое количество критических и полемических трудов. Но ему пришлось втянуться в политику – опять-таки в традициях института – в силу условий жизни страны. Он родился в 1880 году в Алькала-де-Энарес, в доме, стоявшем между двумя монастырями, в разорившемся городке, где некогда был университет и кафедральный со-

бор, в двадцати милях от Мадрида. Тут, кстати, родился Сервантес и был погребен великий кардинал Хименес де Сиснерос⁴. Асанья расстался со своими религиозными верованиями в колледже августинцев, расположенном в мрачном монастыре Эскориале, затем получил диплом юриста и продолжил образование в Париже. Поступив на гражданскую службу, он стал старшим чиновником в Регистрационном отделе (испанский эквивалент Сомерсет-Хаус⁵).

Живя холостяком то в Алькале, то в Мадриде, занимаясь литературной работой, выпуская то переводы, то статьи и обзоры, Асанья вроде бы ничем не отличался от многих других интеллектуальных представителей среднего класса того периода – и не только в Испании. Типичным было и его участие в создании республиканской партии, которую не особенно настойчиво подавлял генерал Примо де Ривера. Тем не менее Асанья выделялся среди своих сторонников. Во-первых, он был некрасив, даже уродлив. Лицо с тяжелой отвисшей челюстью покрывали какие-то пятна. В силу застенчивости Асанья многое держал при себе, в своем творчестве и даже речах он то и дело сбивался на самоанализ и до такой степени избегал общества (особенно женского), что подвергался насмешкам со стороны друзей-интеллектуалов. И все же Асанья сумел стать военным министром, сохраняя при этом одинокую надменность, не изменявшую ему ни при победах, ни при поражениях. Его, в высшей степени уточненного и

застенчивого человека, даже обвинили в гомосексуализме⁶. В Испании подобное извращение довольно редко, и основанием для такого обвинения могла послужить только сбившая с толку секретность поведения Асаньи⁷. Но отличало его и красноречие. Он неоднократно демонстрировал свои способности в многочисленных выступлениях в «Атенео», мадридском клубе, который еще с начала XIX века считался центром либералов. В результате Асанья обрел знакомства и уважение со стороны других республиканских лидеров. Он стал секретарем «Атенео», а затем возглавил новую республиканскую партию. Военным министром он стал главным образом потому, что никто из либералов, чуравшихся образа мышления военных, не прикладывал усилий, чтобы хоть что-то знать об армии. Асанья же в своих речах сразу же стал провозглашать необходимость для новой республики обретения своего достоинства. «Главное сейчас, – говорил он, – это выжить и выстоять». Поклонник Кромвеля и Вашингтона, Асанья культивировал сверхчеловеческую отрешенность от всего лишнего и интеллектуальную чистоту мышления, которые позволили ему увидеть интереснейшие детали жизни Испании. Поскольку он был совершенно бескорыстен, врагам оставалось лишь осыпать его личными оскорблениями. Правые газеты именовали его не иначе как «Чудовище» из-за некрасивой внешности. В то же время тысячи и тысячи людей считали Асанию «сильным человеком республики». На удивление красноречивый, прекрас-

ный знаток любой темы, о которой шла речь, нерешительный в критические минуты и ироничный перед лицом неприятностей, он мог проявлять и диктаторскую бескомпромиссность, и оптимизм, когда приходилось бороться с трудностями. Подобно Леону Блюму⁸, Асанья встречал их достойно, будучи интеллектуалом в политике.

Кроме Фернандо де лос Риоса в первом республиканском кабинете министров были еще два социалиста – Индалесио Прието и Франсиско Ларго Кабальеро. На деле они представляли и социалистическую партию и Объединенный социалистический профсоюз UGT, в котором Ларго Кабальеро был генеральным секретарем. Основанные теми испанцами, которые поддерживали Маркса в его спорах с анархистами, до Первой мировой войны и партия и профсоюз численно росли очень медленно. Им не удавалось утвердиться в таком крупном промышленном центре, как Барселона, где были сильны позиции анархистов. Но с тех пор социалисты обрели мощную поддержку у печатников и металлистов Мадрида, у шахтеров Астурии и в промышленных районах, которые стали расти в Басконии вокруг Бильбао.

В 1908 году UGT, маленькая аскетическая организация, построенная по английскому образцу, с платными чиновниками и забастовочными фондами, все еще насчитывала не больше 3000 членов. Два фактора поспособствовали росту членства в партии. Первым было открытие по всей Испании социалистических народных клубов (*casas del pueblo*), объ-

единявших в себе и помещения комитетов местных профсоюзных отделений, и библиотеку, и кафе. Кроме казарм гражданской гвардии, церквей и муниципалитетов в большинстве городов и селений стали появляться чистенькие белые *pueblos*, в большинстве своем состоящие из четырех зданий. Они стали форпостами идей централизации, как революционными, так и образовательными. Вторым благоприятным для UGT фактором стала Первая мировая война 1914–1918 годов, которая вызвала заметное процветание Испании, усилила политическую сознательность и проявила интерес к событиям в остальной Европе. К 1920 году в UGT состояло уже 200 000 членов. К этому времени у социалистов уже было несколько депутатов монархических кортесов, поскольку они отказались от бойкота режима. В следующем году испанская социалистическая партия прервала все формальные контакты с русскими большевиками⁹. Небольшое количество левых социалистов вместе с недовольными анархистами основали Испанскую коммунистическую партию, которая тем не менее долгое время не играла большого значения в силу своей изолированности.

В 1925 году скончался уважаемый и неподкупный лидер испанских социалистов Пабло Иглесиас. Еще в 1871 году, совсем молодым человеком, он способствовал разрыву с Бакуниным и с тех пор умно и достойно вел партию сквозь многочисленные превратности судьбы. Его преемником на посту лидера партии и генерального секретаря UGT стал его

старший помощник Ларго Кабальеро, бывший штукатур, который всю жизнь оставался профсоюзным функционером, а также сознательным и трудолюбивым членом мадридского муниципалитета¹⁰. Он не был публичным оратором и не обладал особыми талантом к рутинной парламентской работе. И все же он удивил всех, когда взялся сотрудничать (правда, короткое время) с диктатурой Примо де Риверы как «советник по трудовым вопросам». Объяснение может быть найдено в его страхе уступить своим соперникам из среды рабочего класса, анархистам, которых все еще было вчетверо больше, чем социалистов. Этот ход принес ему успех. UGT долгое время пользовалась уважением буржуазии за свою дисциплинированность, за рассудительное поведение во время забастовок (по контрасту с анархистами), за свою централистскую (и в то же время антикаталонскую) окраску¹¹. Благодаря сотрудничеству с Примо де Риверой появилась серьезная возможность для UGT стать чем-то вроде официального профсоюза, какие существовали в Скандинавии. И конечно, не было ничего удивительного, что при республике Кабальеро стал первым министром труда.

Индалесио Прието, его коллега в республиканском кабинете министров, был совсем другим типом социалиста. Родом из Овьедо, он вместе с овдовевшей матерью переехал в Бильбао, где работал газетчиком. Его сообразительность привлекла внимание баскского миллионера Хорасио Эччевериа, и тот сделал Прието сначала своим личным секретарем.

рем, а потом редактором принадлежавшей ему газеты «Либеральный Бильбао». В 1919 году Прието как социалист был избран в кортесы, где его красноречие сразу же вызвало всеобщее внимание и ревность Ларго Кабальеро. Антагонизм между этими двумя политиками стал едва ли не главной чертой Испанской социалистической партии. Прието стал богатым человеком. Толстый, лысый, с двойным подбородком и маленькими глазками, он походил, да и вел себя скорее как преуспевающий представитель высшего класса, чем рабочий лидер. Прието был членом клуба либералов «Атенео». Как известный парламентарий, он возражал против сотрудничества социалистов с правительством Примо де Риверы и был популярен в среде среднего класса. Но рабочих больше привлекала строгая и аскетичная личность Ларго Кабальеро.

Единственным не похожим на других членом республиканского кабинета министров 1931 года был ученый из Каталонии, преподаватель классической истории Николау д'Олвер. Он меньше всех остальных членов кабинета напоминал профессионального политика, и его включение в состав правительства имело целью удовлетворить каталонских националистов и дать им понять, что и остальные их интересы будут учтены.

Пять членов этого правительства имели нечто общее: все они были франкмасонами и подозревались в нелояльности к Испании¹².

В XIX столетии все испанские либералы были членами

той или иной масонской ложи. Хотя ложи обосновались в Испании еще в XVIII веке, они получили широкое распространение лишь во время войны с Наполеоном. В последующем столетии все прогрессивные люди в Испании, да и повсюду на континенте, считали необходимым вступить в ту или иную ложу из чувства протеста. Хотя они провозглашали верность принципам Французской революции, Свободе, Равенству и Братству, тем не менее масоны представляли собой нечто вроде клуба без определенных политических взглядов, члены которого должны были помогать друг другу, когда это представлялось возможным. Пусть и не преследуя заметных политических целей, испанское масонство отличалось активной антирелигиозностью и просто антиклерикальностью¹³. Поскольку в Испании отказ от веры в Бога был действием, влекущим за собой политические последствия, церковники и особенно правые считали масонов участниками международного дьявольского заговора с центром в Лондоне, которые хотят ввести безбожный коммунизм. Иезуиты же полагали, что масоны – это вообще исчадия ада, поскольку тайные знаки и ритуалы масонства представляли собой пародию на их собственный орден. Естественно, такая враждебность вела к повышению уровня секретности в среде масонов. Тем не менее испанские франкмасоны оказались не в состоянии организовать политический фронт с ясными целями. Ложи были местом встреч для организации заговоров против Примо де Риверы. Но позже между члена-

ми лож образовался глубокий водораздел. Некоторые генералы, такие, как Санхурхо, Годед, Кейпо де Льяно, Фанхуль и Кабанельяс, которые впоследствии играли важные роли в борьбе против республики, были членами военных лож, хотя в них входили и ярые республиканцы. Во время республики в ложах шли горячие дебаты по поводу взаимоотношений масонства и марксизма. Впрочем, переоценивать политическую роль франкмасонов в испанской истории не следует, хотя влияние некоторых политиков, таких, как Мартинес Баррио, во многом объяснялось их высоким положением в масонском ордене.

Проблема Каталонии была первой, с которой пришлось иметь дело молодой республике. Триумфальная победа антимонархистов на муниципальных выборах в Барселоне была убедительнее, чем где бы то ни было. Точнее, победа была достигнута стараниями «Эскерры», название которой переводится с каталонского как «Левая». Ее лидером был весьма уважаемый старый полковник Франсиско Масиа, который провел годы диктатуры Примо де Риверы во Франции, участвуя в заговорах против генерала. Если не считать лидера партии, «Эскерра» в Барселоне была партией мелких предпринимателей и низших слоев среднего класса. Ее политические воззрения сильно отличались, скажем, от «Лиги», партии крупных бизнесменов, которые в конце XIX столетия оживили каталанский национализм. Тем не менее в 1930 году крупные каталонские промышленники, испуганные распро-

странением анархистских взглядов среди большинства рабочих на их предприятиях, заключили молчаливый союз с правыми и даже с центральным правительством в Мадриде. Не отказываясь от введения местных законов для Каталонии, они постепенно стали рассматривать остальную Испанию не как тормоз в их деятельности, а как отличный рынок сбыта товаров и источник сырья. Кое-какие экономические мотивы стали учитываться и сторонниками «Эскерры» и полковника Масиа. Они хотели получить максимальную выгоду от своих предприятий. Однако, когда муниципальные советники от «Эскерры», избранные 13 апреля, появились на балконе перед огромной площадью Пласа-де-Сан-Хорхе, они слышали не только «Марсельезу» и «Эльс Сегадорс», национальный гимн Каталонии, но и требования независимости Каталонской республики. И тогда Луис Компаньс, заместитель Масиа, умный и энергичный молодой юрист (он завоевал себе неплохую репутацию в начале 20-х годов XX века, когда защищал анархистов от надуманных обвинений), провозгласил в Барселоне республику, назвав ее Каталонской. День или два казалось, что Каталония и в самом деле может стать независимым государством. Так что Николау д'Олвер, де лос Риос и Марселино Доминго спешно нанесли визит в Барселону, чтобы убедить полковника Масиа и «Эскерру» дожидаться прохождения указа о законах Каталонии в новых кортесах, которым вскоре предстояло быть избранными. Полковник Масиа неохотно согласился, хотя вся Барселона

была у него в руках.

Медовый период новой республики длился примерно месяц. В это время карикатуры в прессе изображали Барселону в виде хорошенькой девушки. Правительство составляло планы июньских выборов кортесов в провинциях. Они должны были одобрить Конституцию и принять законы, необходимые для претворения ее в жизнь. Красно-золотой королевский флаг был сменен триколором, национальным гимном вместо Королевского марша стал Гимн Риего. Переименовали много улиц, присвоив им республиканские названия.

Тем не менее враги республики тоже собирали силы. Первым выстрелом в этом противостоянии, которое длилось вплоть до начала Гражданской войны, стало серьезное пасторское послание кардинала Сегуры, архиепископа Толедо и примата испанской церкви. Общество ознакомилось с ним в начале мая.

Этот гордый и бескомпромиссный прелат сочетал в себе ум с предельным фанатизмом. Ставший епископом в тридцать пять лет, он по специальному приглашению короля был переведен в Толедо из далекого епископата в Эстремадуре. Сегура был ученым, который мог гордиться тремя докторскими степенями, и раз в год исправно исполнял обязанности приходского священника. В 1931 году ему было около пятидесяти лет, и Сегура находился в зените своей власти.

Его пасторское послание начиналось с панегирика Альфонсу XIII и кончалось такими угрожающими словами: «Ес-

ли мы останемся «тихими и покорными», если мы позволим себе поддаться «апатии и унынию»; если мы уступим тем, кто хочет уничтожить религию, тем нашим врагам, которые надеются восторжествовать над нашими идеалами, мы потеряем право стенать и сетовать. Печальная реальность докажет, что победа была у нас в руках, но мы отказались драться, подобно бесстрашным воинам, готовым умереть со славой»¹⁴.

Примечания

¹ Мигель Маура – сын дона Антонио Мауры. Он возглавлял консервативных государственных деятелей при правлении короля Альфонса и был братом герцога Мауры, который до 14 апреля входил в состав последнего королевского кабинета министров. Мигель стал считаться паршивой овцой в своей distinguished еврейской семье, когда одна из его племянниц Констанция де ла Мора-и-Маура вышла замуж за главу республиканской авиации Гидальго де Сиснероса и стала членом коммунистической партии.

² Это было знаменитое «Поколение 1898», в которое входили такие люди, как Мигель де Унамуно, Ортега-и-Гассет, экономист Хоакин Коста, Сальвадор де Мадариага, Антонио Мачадо, публицист Рамиро де Маэсту, романист Пио Бароха, эссеист Асорин, драматург Бенавенте. В конце XIX столе-

тия они были ведущими интеллектуалами в испанских университетах. Синьор Гароччи в своем знаменитом эссе проводит аналогию между этой группой интеллигентных испанцев и русскими либералами поколения Белинского, которых описал сэр Исайя Берлин.

³ В 1934 году он вышел из социалистической партии и основал свою небольшую партию.

⁴ Во время Гражданской войны тут находилась штаб-квартира русской тайной полиции.

⁵ Сомерсет-Хаус – большое здание на берегу Темзы в Лондоне, где размещаются Управление налоговых сборов, Кингз-колледж и некоторые другие государственные учреждения. (*Примеч. пер.*)

⁶ На этот счет существует, скорее всего, апокрифическая история, которая хорошо объясняет его характер. Говорят, что как-то журналист задал дону Мануэлю вопрос, как он дошел до такой сексуальной эксцентричности. «Так же, как и вы, – ответил Асанья. – Задавая вопросы».

⁷ Тем не менее в возрасте сорока шести лет он наконец женился на сестре Сиприано Ривас Черифа, который одно время был сотрудником его литературного журнала.

⁸ Леон Блюм (1872–1950) – основатель и теоретик Французской социалистической партии. (*Примеч. пер.*)

⁹ Тем не менее на первых порах социалисты благожелательно отнеслись к приглашению вступить в Коминтерн. Но

прежде чем принять окончательное решение, они отправили наблюдателем в Россию Фернандо де лос Риоса. «Но где тут у вас свобода?» – спросил у Ленина бородатый индивидуалист из Андалузии. «Свобода для чего?» – ответил Ленин. И (хотя всего лишь 8809 голосами против 6025) социалистическая партия объявила, что она против связей с Россией.

¹⁰ В 1905 году Иглесиас и Ларго Кабальеро в первый раз были избраны в мадридский муниципалитет после того, как разоблачили фальсификации, устроенные их противниками. Иглесиас стал членом кортесов в 1911 году, а Кабальеро и несколько других социалистов в 1917-м.

¹¹ До 1936 года 1ГСТ насчитывала в Барселоне чуть больше 10 000 членов.

¹² Эта пятерка состояла из Прието, Мартинеса Баррио, Альваро де Алборносы, Касареса Кироги и Марселино Доминго. Асанья, скорее всего, стал масоном в начале 1932 года.

¹³ Разрыв между английскими и континентальными масонами наметился в 80-х годах XIX века, когда континентальные братья решили, что не потерпят больше в уставе ордена никакого упоминания о Боге, даже под именем «Верховного Архитектора».

¹⁴ Выражения «тихие и покорные», «апатия и уныние» употреблялись в папской энциклике Льва XIII.

Глава 4

Церковь в Испании 1931 года. – Ее роль в истории Испании. – Церковь и образование. – Отношения с Ватиканом. – «Дебаты».

В 1930 году церковь в Испании насчитывала 20 000 монахов, 60 000 монахинь и 31 000 священников. Существовало примерно пять тысяч религиозных общин, из которых около тысячи были мужскими, остальные – женскими. Умеренные католики подсчитали, что в 30-х годах XX века две трети испанцев не придерживались требований католицизма – то есть хотя и обращались в церковь в случаях крестин, свадеб и похорон, но никогда не исповедовались и не посещали мессы. По подсчетам доминиканца брата Франсиско Пейро, только пять процентов сельского населения Новой Кастилии в 1931 году соблюдали Пасху. В некоторых андалузских деревнях церковь посещал только один процент мужчин¹. Порой случалось, что священники служили мессу в полном одиночестве. В богатом приходе Сан-Рамон в мадридском пригороде Валлекас 90 процентов тех, кто получил образование в религиозных школах, после их окончания не ходили к причастию и не посещали служб. Хотя эти данные трудно отнести ко всей Испании, они статистически вроде бы подтверждают вырванное из текста замечание Мануэля

Асаньи, что Испания «перестает быть католической».

На деле же (в чем можно убедиться, прочитав всю его речь) Асанья имел в виду, что Испания более не является полностью католической страной, какой она была, например, в золотом XVI веке². В те времена лишь церковь связывала между собой различные провинции, где в противном случае появились бы свои парламенты, суды и гражданские службы. Испанская инквизиция, учрежденная как трибунал религиозной ортодоксии, была единственной организацией, которую уважали во всей стране. Это время ознаменовалось заметной вспышкой религиозного энтузиазма. Утверждая все это, Асанья считал, что подобный энтузиазм объяснялся частично конечным триумфом Реконкисты, завершившейся взятием Гранады в 1492 году, частично – результатом начатого в том же знаменательном году во имя церкви завоевания Америки. В какой-то мере его можно объяснить также поддержкой церковных реформ, которые успел провести кардинал Хименес де Сиснерос, что позволило Испании избежать протестантской Реформации. Сам по себе он поддержал планы новой габсбургской королевской династии, которая унаследовала испанский трон в силу брачных связей. Имея обильную финансовую поддержку, поступавшую из американских колоний, Габсбурги решили воплотить в жизнь идею о единой культурной и политической католической Европе, чего не удавалось достичь нигде и никогда, даже в зените Средневековья. Мощная испанская ар-

мия была использована для попытки новой Реконкисты по всей Европе – от протестантов Европы до Турции. Испанский король гордо вооружился мечом контрреформации, а Общество Иисуса, основанное баскским монахом Игнатием Лойолой и всегда сохранявшее чисто испанские особенности, стало его идеологическим лидером.

Золотой век Испании, когда она, пусть и на краткое время, вошла в ряд величайших государств мира, стал апогеем и испанской церкви, которая спланировала нацию. Сказались здесь и успехи испанского оружия, достигнутые за счет доверительных отношений между офицерами и солдатами, которые часто обедали за одним и тем же столом. В те времена дворяне часто служили в армии простыми солдатами. Как и установление хороших отношений между испанскими колонистами и туземцами Америки, этот демократический дух должен быть отнесен на счет церкви, чье учение о равенстве всех перед Богом строго соблюдалось в Испании. Испанские теологи, избежав Реформации, были свободны от бесконечных споров о форме церковных служб, которые утомляли север Европы. Они свободно обсуждали отношения между гражданами и обществом и даже доказывали желательность более справедливого распределения земель. Ощущение национальной цели и социального единства, которые поддерживала церковь, в конечном итоге нашло подтверждение в бурном расцвете испанской литературы и живописи, продолжавшемся до середины XVII века.

Все нации оставляют болезненные следы воспоминаний о тех эпохах, когда они считались великими. Но те предпосылки, которые возносили нацию над всеми другими, обычно не задерживаются надолго. Средневековые претензии Габсбургов опустошили королевскую сокровищницу. Учитывая ту простоту, с которой из Америки поступали золото и серебро, церковь неодобрительно относилась к коммерции, но до 50-х годов XVI века экономическое благосостояние испанского дворянства росло. Сервантес писал уже в те времена, когда сказывались экономические последствия отчаянного стремления Испании к величию. Он создал Дон Кихота, величайший образ испанской литературы, архетип рыцаря, который тщетно ищет былой славы, совершая одну ошибку за другой. Странное стремление придерживаться донкихотских средневековых взглядов и суждений в новом мире постренессансной Европы постепенно стало отличительной особенностью страны, которая первая открыла Новый Свет³.

Идеи о социальной справедливости, которые проповедовали богословы, больше напоминали упражнения в схоластике, чем предвестие социализма. Интеллектуальный упадок церкви продолжался, и ученые мужи в крупнейшем университете Испании в Саламанке серьезно обсуждали в конце XVIII века, на каком языке говорили ангелы и создано ли небо из виноподобной жидкости или металла, из которого льют колокола. В эти годы вряд ли можно было встретить в Испании хоть одного протестанта, хоть одного критика вла-

сти церкви над умами нации.

В середине XVIII века при дворе испанских Бурбонов начали приобретать популярность идеи французских философов. Либеральные реформаторы, как и церковь, противостояли феодальным пережиткам. Но после падения Бурбонов в результате Наполеоновских войн церковь, которая обрела популярность, ибо руководила сопротивлением Наполеону, стала центром противостояния либеральным идеям. Ее самые яростные противники основали Общество изгнанных ангелов. Продолжались карлистские войны. Отмечался низкий уровень клерикального интеллекта: в первые тридцать лет XIX столетия в Испании не было опубликовано практически ни одной богословской работы.

Крупнейшим успехом либералов стало изъятие в 1837 году церковных земель. Хотя позже церковь получила компенсацию, она носила лишь характер денежных выплат и прочих льгот. Спекулянты из среднего класса, которые скупили эти земли, не имели права перепродавать их.

Церковь продолжала несгибаемо противостоять идеям либерализма, ее влияние в среде рабочего класса заметно уменьшилось.

Развитие идей Свободного института образования в конце XIX столетия совпало с новой экспансией римско-католической церкви. Рим, проигравший битвы во Франции, Германии и Италии, принялся разрабатывать политику, чтобы сохранить хоть одну страну – Испанию – «свободной от ате-

изма либералов». Последовал бурный взрыв религиозного строительства, вместе с концентрацией в столице Испании церковных капиталов. Иезуиты старались прибрать к рукам обширные области постепенно развивающегося хозяйства страны. Их интересовало все, что угодно, — от производства старинной мебели до (это уже позже) дансингов и кинематографа. Испанская церковь истолковала последние энциклики пап Льва XIII и Пия XI в том смысле, что они разрешают накопление церковных капиталов. Выражение «деньги — это очень по-католически» стало едва ли не поговоркой. В церковном катехизисе, выпущенном в 1927 году, на вопрос: «Какого рода грех совершает тот, кто голосует за кандидата либералов?» следовал ответ: «Безоговорочно смертный грех». В то же время ответ на вопрос: «Является ли грехом для католика читать либеральные издания?» был: «Он может читать новости фондовой биржи».

Либералы XIX столетия высвобождали университеты из-под контроля церкви, в то время как некоторые церковные ордена, особенно иезуиты и августинцы, организовывали публичные средние школы (типа той, что в Эскориале, где учился Асанья). Гуманитарные науки в них преподавались слабо, но стандарты технического образования были очень высоки. С 1901 года государство провозгласило среднее образование доступным и бесплатным (теоретически) для всех. Но школьными учителями были главным образом католики, и немалую часть времени дети проводили за чте-

нием молитв. Школ явно не хватало — в 1930 году только в Мадриде их не посещали 80 000 детей. Но в школах, которые все же работали, церковь могла влиять на юных испанцев.

Тем не менее кардинал Сегура, выступая в мае 1931 года с посланием против республики, говорил от имени не всей своей паствы. Политические чувства испанской церкви были слишком тонкими и противоречивыми, чтобы их можно было выразить лишь в одном страстном послании. Многие члены церковной иерархии и монашеских орденов могли быть столь же активными монархистами, как и их владыка, — хотя скорее из страха перед будущим, а не из верности прошлому. Но группа католиков-интеллектуалов, которая сотрудничала с мадридской газетой «Дебаты» («El Debate»), принадлежащей Обществу Иисуса, откровенно симпатизировала либеральному католицизму, считая, что он сможет привлечь городской пролетариат в лоно церкви или по крайней мере заключить какое-то соглашение с демократией. Кардинал Сегура назвал «Дебаты» «либеральным листком». Но ясного заявления о политическом отношении церкви к газете так и не последовало. После отчуждения в 1837 году церковных земель иерархи и ордена стали капиталистами или друзьями капиталистов, но много монахов и большинство священников (кроме тех, что служили в шикарных кварталах больших городов) жили столь же скудно, как и их прихожане⁴. Иерархи же регулярно выступали в роли союзников богачей или верхнего слоя буржуазии. Сельские же священники и

даже священники в бедных городских кварталах чаще всего придерживались другой позиции и порой не без успеха воздействовали на власти, помогая угнетенным⁵. А вот испанский рабочий класс относился к священникам с откровенной неприязнью, открыто называя их лицемерами, поскольку налицо было ужасающее различие между учением Христа о бедности и открытым преклонением перед преуспевающим капиталом. Священника могла постичь печальная участь, а его церковь – быть предана огню.

У сельских же жителей редко возникало желание убить своего священника или сжечь его церковь, разве что он пользовался репутацией отменного лицемера или друга буржуа. Для испанцев вообще не было принято сжигать места поклонения Деве Марии или местные церкви. В ходе знаменитой процессии в Севилье во время Страстной недели эскорт Девы Марии из бедного прихода мог с яростью и ненавистью смотреть на Деву Марию из богатой церкви в шикарном квартале. Сам архиепископ Севильи отмечал, что «эти люди могут умереть за свою местную Деву Марию, но при малейшем поводе сожгут ее у своих соседей».

Эти парадоксы отражали тот факт, что, несмотря на упадок, на невежество и откровенную коррупцию, испанская церковь, провозглашая Испанию великой страной, и в XX веке продолжала играть существенную роль в жизни испанцев. Когда церковь стала клониться к упадку, главный объединяющий фактор в стране тоже потерял свою жизненную

силу. Испания распадалась и географически и социально. Из-за глубокого проникновения в народ влияния римско-католической религии диспуты велись с бескомпромиссным напором. И все участвовавшие в них партии претендовали на то единственное и неповторимое место, которое в Испании принадлежало только церкви⁶.

Нет никаких сомнений, что в XX веке испанская церковь причиняла Ватикану немало хлопот. В 1931 году папа Пий XI продолжал с энтузиазмом придерживаться взглядов Вудро Вильсона. Вполне возможно, что его могли поддерживать реалистически мыслящие мадридские либералы из «Дебатов». Государственный секретарь папы Эудженио Пачелли уже обдумывал идеи о создании христианско-демократических партий, которые он успешно воплотил в жизнь после Второй мировой войны, став папой Пием XII. Когда новое республиканское правительство Испании, возглавляемое прогрессивными католиками Алькалой Саморой и Мигелем Маурой, потребовало убрать из Толедо кардинала Сегуру, Ватикан и не подумал помочь своему примасу, которого затем попросили покинуть страну. Что он и сделал, и его репутация не пострадала, когда спустя несколько месяцев, минуя пограничные посты, Сегура вернулся в Испанию. Он успел добраться до Гвадалахары прежде, чем его обнаружили. Правительство еще раз выпроводило его из страны – на этот раз в сопровождении охраны. Но Сегура вновь вернулся после начала Гражданской войны. Во время же его от-

сутствия пост архиепископа Толедо занял монсеньор Гома, ученый, бывший архиепископ Таррагоны⁷.

Примечания

¹ Как правило, испанские женщины отличались большей религиозностью, чем их мужья.

² До 1500 года положение церкви в Испании заметно отличалось от ситуации в Европе. Хотя средневековую историю Испании часто представляют в виде череды крестовых походов, до XV века религиозная нетерпимость была в ней скорее исключением. Мавры, христиане и евреи соседствовали, относясь друг к другу со взаимным уважением. Великого героя Средневековья Сиды можно было считать оппортунистом, который вступил в союз с исламом против христианского короля Кастилии.

³ До XVIII века Испания считалась крупнейшей империей мира. Но испанская культура, как и дворцовые обычаи, стала носить чрезмерно формальный характер и после смерти Веласкеса в 1660 году практически сошла на нет. Свободное развитие провинций, одну из самых живых испанских особенностей, ликвидировала бюрократия Габсбургов и их бургонских потомков.

⁴ Что, конечно, способствовало и их низкому интеллектуальному уровню.

⁵ Особенно часто это случалось в Басконии на севере Испании.

⁶ Даже испанские фашисты из фаланги, вспоминая Испанию времен католических королей, чьим символом было изображение ярма и стрел, взяли себе этот герб.

⁷ Тем не менее Ватикан вскоре поссорился с республикой, отказавшись принять посла, которого правительство послало к Святому Престолу. Кардиналы Гома и Сегура встретились во Франции 23 июля 1934 года, где между ними состоялся интересный разговор. В его ходе они сошлись во мнении, что папа Пий XI – человек и действует «без горячности, взвешенно и спокойно» и испытывает чрезмерные симпатии к Каталонии. Его явно вводят в заблуждение Анхель Эррера и кардинал Видадь-и-Балагер, архиепископ Таррагоны.

Глава 5

*Мятеж мая 1931 года. – Поджоги церквей. –
Заговоры монархистов. – Характер испанского
анархизма.*

10 мая 1931 года, через несколько дней после взрыва страстей, вызванных письмом кардинала Сегуры, группа армейских офицеров и аристократов, решивших хранить неизменную верность королю Альфонсу, собралась в доме на Калье-Алькала, одной из главных улиц Мадрида¹. Формально встреча была посвящена созданию Независимого монархического клуба. Но из граммофона раздавались звуки Королевского марша. Начала собираться толпа. Два припоздавших монархиста обрадовались при виде такого количества народа и закричали: «Да здравствует монархия!» Водитель их такси решительно отказался присоединиться к ним, провозгласив: «Да здравствует республика!» Монархисты нанесли ему удар, и тут же разнеслись слухи, что таксиста убили. Разъярившись, толпа подожгла несколько машин, на которых приехали монархисты, и мгновенно разрослась. Возбужденные демонстранты ворвались в редакцию монархической газеты «АВС» и предали ее огню. Гражданская гвардия рассеяла бунтовщиков, стреляя поверх голов. Тем не менее на следующий день снова начались волнения. Утром иезуит-

скую церковь на Калье-де-ла-Флор в самом центре Мадрида буквально сровняли с землей. На ее обугленных сгоревших стенах большими буквами написали: «Поделом воровскому племени!» В течение дня в Мадриде было сожжено еще несколько церквей и костелов². Несколько дней пожары полыхали в Андалузии, особенно в Малаге. Всю Испанию охватила тревога. По сути, никто не погиб, хотя несколько монахов едва успели унести ноги. Тем не менее республика осознала, что ее репутация подпорчена. Правительство публично осудило монархистов за то, что они спровоцировали волнения, и закрыло не только «АВС», но и «Дебаты». Новый военный министр Мануэль Асанья, которому пришлось впервые необдуманно высказать *obiter dicta*³, заявил, что он скорее предпочел бы спалить все церкви в Испании, чем причинить вред хоть одному стороннику республики.

Часть из тех, кто собрался в доме на Калье-Алькала, в самом деле планировали заговор с целью мятежа против республики. Они не получили на это одобрения короля Альфонса (тот был в Париже), который потребовал от своих сторонников (в том числе и армейских офицеров) преданности республике⁴.

За несколько дней до этих событий король дал весьма достойное интервью «АВС», в котором сказал: «Монархисты, которые хотят прислушаться к моему совету, должны не только не ставить препятствий на пути республики, но

поддерживать все ее патриотические начинания. Выше всех формальных идей республики или монархии стоит Испания». Хотя, без сомнения, он считал, что такому подходу лучше всего поспособствует его возвращение в страну, нет никаких оснований считать, что дон Альфонс хотел осложнить положение нового правительства. В результате многие офицеры армии, военно-воздушных сил и флота в начале мая принесли присягу на верность новому режиму. Но не все изъявили желание сотрудничать с республикой. Заговорщиков вдохновляли генералы Оргас и Понте. Среди них был и Рамиро де Маэсту, в свое время представитель «Покорения 1898 года», бывший анархист, который успел побывать и послом, и журналистом, прежде чем стать ведущим теоретиком зарождающегося испанского фашизма. Примыкали к заговорщикам и поэт правого толка Хосе Мария Пеман, и наваррский интеллектуал Виктор Прадера, и юные монархисты, такие, как Сайнс Родригес, молодой, очень толстый («обилие плоти», называл он себя) эрудит и любитель богемы. Пока за стенами дома собирались гневные толпы, конспираторы приняли программу из трех пунктов. Они создадут новую и легальную монархическую партию, суть которой замаскируют под названием «Ревонасион Эспаньола»; будут выпускать периодическое издание «Аксьон Эспаньола» под редакцией Рамиро де Маэсту, которое обоснует правомерность мятежа против республики. При партии будет создан научный центр «для сбора текстов по вопросу о законно-

сти мятежа». Их организация станет обосновывать в армии «предпосылки к революции». Называться она будет «Унион милитар Эспаньола»⁵.

Толпа, протестовавшая на Калье-Алькала против встречи монархистов, на первых порах состояла из простых прохожих, празднично гулявших в воскресный день, но их возбудило кажущееся покушение на республику. Но продуманные поджоги церковей (и наверное, редакции «АВС»), состоявшиеся на другой день, – это уже дело рук анархистов.

В те времена испанские анархисты насчитывали в своих рядах не менее полутора миллионов мужчин и женщин. Подавляющее большинство их точнее было бы считать синдикалистами, входящими в большой всеобщий профсоюз CNT. Он был основан в 1911 году, чтобы координировать деятельность многочисленных профсоюзных организаций Испании. Они были сторонниками уничтожения формального правительства и замены его системой договоров и соглашений между профессиональными группами. В CNT неизменно господствовали активные и воинственные анархисты, склонные к насилию. Когда в начале двадцатых у CNT появилась возможность договорного сотрудничества с режимом, реформистов выставили из профсоюза. Активные анархисты создали тайное общество, число членов которого никогда не публиковалось. Его цель заключалась в стремлении утвердить в CNT анархистские идеалы во всей их чистоте. Это общество, наводившее страх на всех, называлось FAI

– Федерация анархистов Иберии⁶.

Основные цели испанских анархистов практически не изменились со времени появления в Испании в 1868 году первых эmissаров Бакунина. До этого революционные социалистические идеи, которые так активно обсуждались в Северной Европе, почти не имели приверженцев в Испании, хотя в Севилье и Барселоне возникали ростки кооперативного движения. Нескольких интеллектуалов из церковных и творческих кругов привлекли идеи федерализма и перехода власти к трудовым коммунам, Прудона и Фурье. Но в 1868 году в Мадрид прибыл депутат итальянского парламента Фанелли⁷, некогда соратник Гарибальди, а теперь страстный поклонник Бакунина, ведущая фигура в Интернационале. Хотя Фанелли говорил только по-итальянски и по-французски, а среди его слушателей (в основном печатников) немного понимал французскую речь лишь один из десяти, его идеи произвели исключительное воздействие. К 1873 году в Испании уже было 50 000 последователей Бакунина, на первых порах известных как последователи Интернационала, а потом принявших имя анархистов. Они считали себя носителями великой новой истины. Государство, основанное на идее покорности власти, по их мнению, моральное зло. Оно должно уступить место самоуправляющимся структурам – муниципальным, профессиональным и другим, которые будут добровольно заключать друг с другом соглашения. Преступников должна карать общественность. Бакунин, изла-

гавший эту точку зрения, без сомнения, как и Толстой, испытывал ностальгию по русской деревенской жизни, которую знал с детства. Хотя испанцам, среди которых эти идеи дали столь пышные всходы, не было свойственно подсознательное стремление к предельной простоте, противостоящей жесткому диктату государства средневековых деревенских общин и независимых провинциальных коммун, которые процветали в Испании, как и во всей Европе⁸.

В 1871 году спор между Марксом и Бакуниным привел к расколу испанского отделения Интернационала. Основная масса анархистов в Испании последовала за Бакуниным. Меньшинство – социалисты – сформировало свою марксистскую партию. Первые анархисты – главным образом печатники, школьные учителя и студенты, – направившись напрямую к труженикам Андалузии, начали проводить продуманную политику просветительства. Революционные возмутители спокойствия шли от одной деревни к другой, подобно бродячим монахам. Они организовывали вечерние школы, в которых крестьяне учились писать; проповедовали трезвость, вегетарианство и верность мужьям, осуждали моральное зло, которое несут с собой кофе и табак. После того как в 1881 году профсоюзы получили легальный статус, анархисты стали утверждаться в Барселоне, куда в поисках работы перебирались многие андалузские крестьяне⁹. Забастовки, которые, как правило, носили воинственный характер, стали оружием, с помощью которого анархисты добивались созда-

ния своего общества. Тем не менее даже после создания в 1911 году CNT не существовало забастовочных фондов, так как анархисты предпочитали тратить средства на жесткие и решительные действия, а не на продолжительные переговоры, требовавшие финансовых затрат. Андалузские рабочие были слишком бедны, чтобы платить регулярные взносы. В 1936 году в руководстве профсоюза был всего лишь один платный работник.

CNT делилась на две группы, хотя даже сами члены профсоюза вряд ли обращали на это внимание. Первая, городские рабочие Барселоны, были подлинными синдикалистами, которые утверждали «вертикальный» характер организации общества, впервые предложенного во Франции в конце XIX столетия. Предполагалось, что все рабочие одной фабрики делегируют своих членов в «синдикат», который и обсуждает с другими синдикатами все бытовые и производственные вопросы. Вторая группа состояла из сельских анархистов, главным образом из Андалузии, чья теория представляла собой идеализацию собственного городка, пуэбло, все обитатели которого в сотрудничестве избирают устраивающее их местное правительство. Значимость этого идеала подчеркивалась вторым значением слова «пуэбло», что означало «народ», то есть народ, противостоящий высшим и средним классам. Тонкость была в том, что сторонники этой теории считались чужаками в своем городе.

В Андалузии анархистские забастовки с требованием по-

вышения заработной платы или сокращения рабочего дня (если не золотого века, к которому стремились их лидеры) часто приводили к успеху, ибо крупные землевладельцы и их управляющие боялись тактики насилия, к которому прибегали забастовщики. В Барселоне же борьба между рабочими и владельцами фабрик была долгой и кровавой, поскольку у последних был неисчерпаемый резерв рабочей силы. В результате в 90-х годах XIX века анархисты перешли к террору. Одновременно им широко стали пользоваться их единомышленники в России, с которыми некоторые испанские анархисты поддерживали личную дружбу.

В начале XX века анархисты стали предметом ненависти. Они вербовали в свои ряды всех, кто хоть каким-либо образом протестовал против буржуазного общества, включая обыкновенных преступников. В 1927 году FAI представляла собой целую армию штурмовых отрядов, которые вели более или менее постоянную войну с остальной Испанией. FAI исходила из своих фантастически высоких идеалов. Но ее члены считали, что свободы можно достичь пистолетом вкупе с энциклопедией. Они были склонны верить каждому прочитанному слову. Читая слова Бакунина о том, что новый мир будет построен, когда последнего короля повесят на кишках последнего попа, они испытывали желание немедленно проверить, так ли это. Их страстная убежденность вела к «пропаганде действием», что вызывало панику среднего класса. Анархисты претворяли ее в жизнь поджогами церквей – как

в мае 1931 года¹⁰. Их вера в насилие находила отражение во внезапных жестоких политических, а порой и всеобщих забастовках, которые вспыхивали то в одном городе, то в другом. Анархисты не брезговали и убийствами. Они не имели отношения к другим движениям, и им была отвратительна сама мысль стать политической партией в нормальном смысле слова.

В 30-х годах XX века лидером движения стал Хосе Гарсиа Оливер, который проводил умную тактику. Мистер Сирил Конноли, английский критик, описывал его цель как «уничтожение зверя в человеке». Но сам Оливер отсидел в тюрьме за насильственное преступление. Во время Гражданской войны, когда он стал министром юстиции, один из его помощников, принимая дрожащего архивариуса, предложил тому пожать руку, которая убила 253 человека¹¹. Среди других ведущих лидеров анархистов были Федерика Монтсень, известная представительница интеллектуальных кругов Барселоны; выдающийся организатор стекольщик Хуан Пейро и два человека, имена которых неразрывно связаны с насилием, – Дуррути и Аскасо. Дуррути, уроженец Леона, еще ребенком работал металлистом в Барселоне. Здесь он встретил Аскасо, пекаря и официанта. На пару они совершили много преступлений, после чего покинули Испанию. Дуррути и Аскасо бродяжничали по Южной Америке и держали в Париже книжную лавку анархистской литературы. Среди их самых громких преступлений – убийство архиепископа Сара-

госы¹², покушение на короля Альфонса в 1921 году, убийство в Мадриде женщины-кружевницы и знаменитый налет на Банк Испании. Тем не менее они были не обыкновенными преступниками, а мечтателями, склонными к насилию. Достоевский был бы горд создать такие характеры. Можно ли осуждать испанскую буржуазию, если она трепетала от страха, зная, что двухмиллионную армию рабочих возглавляют два таких неуправляемых человека?¹³

Примечания

¹ Она тянется от Пуэрта-дель-Соль до Гран-Виа. В 30-х годах XX века Калье-Алькала считалась основной улицей кафе в Мадриде. Тут размещались кафе тореадоров, писателей, художников, артистов и так далее. В 1960 году все эти заведения уступили место зданию большого банка.

² В Испании все здания религиозных общин, в которых жили монахи и монахини, именовались «конвентами».

³ *Obiter dicta* (лат.) – неофициальное мнение судьи. (*Примеч. пер.*)

⁴ Это подтверждается генералом Эррерой, который как постельничий последовал за королем в Париж. Но король уговорил его вернуться в Испанию.

⁵ Свидетелем всего вышесказанного был Бертран Гаэлл,

чей рассказ в целом подтверждается официальным изданием «История крестового похода». История заговоров против республики теперь имеет обширную литературу. Так, в частности, утверждается, что вышеупомянутый союз состоял исключительно из младших офицеров, хотя их главой был полковник Бартоломео Барба, которому помогали офицеры связи по всей Испании.

⁶ Пейрат считает, что в 1936 году в него входило 30 000 членов.

⁷ Анархизм Фанелли обрел активную форму после того, как его заставили заплатить за проезд по железной дороге, хотя как депутат он имел право на бесплатный проезд.

⁸ Как ни парадоксально, но проникновению революционных идей в среду испанского рабочего класса способствовала сама церковь, впоследствии немало пострадавшая из-за них. Приверженность церкви к общинным взглядам, ее пуританская враждебность инстинктам конкурентной борьбы – все это сделало идеи Фанелли естественным продолжением старых верований.

⁹ В течение столетия население города выросло со ста тысяч почти до миллиона.

¹⁰ Поджоги церквей – феномен не столько анархистский, сколько чисто испанский. Первый такой факт зафиксирован в 1834 году, когда испанский рабочий класс решил, что церковные иерархи предали их интересы ради торжества ари-

стократии и «новой буржуазии».

¹¹ Хотя это свидетельство привел конкретный человек, его нельзя считать достоверным.

¹² Биография Дуррути, вышедшая во время Гражданской войны, приводит следующую версию этого преступления: «Дуррути и Аскасо услышали, что в Сарагосе творится несправедливость. Поэтому они явились в город из Барселоны и убили кардинала Солдевиллю, который был главным сторонником реакции».

¹³ В течение 30-х годов XX века CNT делилась между самыми крайними противниками существующего общества, возглавляемого FAI и синдикалистами во главе с Анхело Пестаньей, который допускал определенное сотрудничество с обществом. Противоречия длились до 1936 года, когда на конгрессе CNT в Сарагосе синдикалисты снова вошли в CNT, хотя Пестанья остался вне его.

Глава 6

Анархистские забастовки. – Республиканская Конституция. – Кастильбланко. – Закон о земле. – Условия сельского хозяйства в Испании.

Заговоры и пожары мая 1931 года предупредили правительство об опасностях, которые, по всей видимости, подстерегают его и справа и слева. Естественно, министры не знали подробностей планов монархистов. И к анархистам они не относились с той серьезностью, которую те заслуживали. Поджоги церквей были сочтены их чистой провокацией. Состоявшиеся в июне выборы доказали, что большинство народа поддерживает режим. Выборы исходили из приблизительных подсчетов: один член кортесов представлял примерно 50 000 мужчин-избирателей. Без сомнения, это были самые честные выборы, когда-либо происходившие в Испании. В результате избрали 116 социалистов, 60 радикальных социалистов и 30 членов Республиканской партии действия Асаньи (и те и другие, поддавшись уговорам Асаньи, сочли себя либералами); 90 радикальных последователей Лерру и 22 прогрессиста, сторонника Алькалы Саморы. Кроме того, были избраны 43 члена каталонской «Эскерры» и 16 – галисийских националистов из партии Касареса Кироги. Предполагалось, что все они в целом будут голосовать совместно с правительством. Против них правые могли выставить толь-

ко 60 членов. Большинство – представители партий среднего класса, склонных предоставить республике шанс. Было только 19 членов «Renovación Española» («Обновленная Испания»), легальной монархистской партии, которые только в прошлом месяце на тайной встрече достигли соглашения между собой. Правительство чувствовало себя в безопасности. Даже ряд бурных забастовок, организованных в июле и августе CNT, не поколебал это чувство уверенности. Тем не менее во время всеобщей забастовки в Сан-Себастьяне погибло три человека. Правительству пришлось также пустить в ход артиллерию, чтобы разогнать всеобщую забастовку в Севилье, где было убито тридцать человек и более двухсот ранено. То была крупная политическая акция. Правительство так и оценило ее и посчитало такие действия оправданными. Тем не менее с тех пор как Ларго Кабальеро стал министром труда и UGT полностью поддержало правительство, насильственных действий со стороны рабочего класса избежать было невозможно.

К осени комитет новоизбранных кортесов подготовил вариант Конституции. И тут правительство допустило грубую оплошность. Было связано слишком много надежд с тем, что новый режим воздержится от подготовки текста Конституции. И это стало серьезной ошибкой – Конституция республики представляла собой в высшей степени противоречивый политический документ, полный эмоциональной и уклончивой фразеологии, содержащий много статей, совершенно

неприемлемых для большинства влиятельных, обладавших властью испанцев. Либералы 1931 года повторили ошибку многих своих предшественников XIX века. С их точки зрения, новый режим должен был выражать только их собственные политические взгляды. Так, набросок Конституции начинался словами: «Испания представляет собой демократическую республику тружеников всех классов, организованных в режиме на основе свободы и справедливости». Правительство «исходит из народа», и все граждане признаются равными. Страна отказывается от войны как средства национальной политики. Не признаются никакие аристократические титулы и звания. И мужчины и женщины могут голосовать с 23 лет.

Даже эти положения были достаточно противоречивыми, а последовавшие за ними статьи, относящиеся к религии, вызвали неподдельную бурю негодования. Выплаты государства священникам приостанавливались на два года, хотя их заработная плата была частью компенсации, которая выплачивалась церкви за конфискацию земель в 1837 году. Все религиозные ордена были обязаны регистрироваться в министерстве юстиции. Если принималось решение, что они представляют собой опасность для государства, их распускали¹. Ордена, которые требовали дополнительных обетов, кроме трех канонических, распускались в любом случае. Это был просто способ отделаться от иезуитов, которые обычно требовали клятвы на верность папе. Ни один орден не имел

права на собственность большую, чем это нужно для существования, а также заниматься коммерцией. Все они должны были ежегодно представлять государству декларации о доходах. Образование предполагалось строить на основе «идеалов человеческой солидарности». То есть религиозному образованию был положен конец. Полагалось получать официальное разрешение «на все публичные манифестации религиозного характера», такие, как пасхальные и рождественские шествия. Допускались разводы.

Включение таких подчеркнуто антиклерикальных статей в текст Конституции Испанской республики оказалось политической глупостью. Осуществление таких условий было бы под силу лишь более счастливой и справедливой Испании. Можно понять, что Асанья, который добился смягчения самых жестких требований, вволю настрадался от братьев-августинцев в школе мрачного Эскориала. Тем не менее было бы куда умнее отложить этот полный разгон церкви до лучших времен. Стоило бы дожидаться, пока место августинских и иезуитских учебных заведений займут светские школы такого же уровня. Ибо при всех своих недостатках монашеские ордена содержали в стране лучшие, и практически единственные, средние школы. Даже либеральная пресса осудила эти меры. Но Асанья гремел в кортесах: «Не говорите мне, что это противоречит свободе. Речь идет об общественном здоровье». Впоследствии все испанские католики, если они хотели критиковать образовательную или религи-

озную политику, оказывались в положении, требующем вообще отвергать Конституцию республики.

Дебаты в кортесах по поводу этих клерикальных статей вызвали первый из многочисленных правительственных кризисов Второй республики. Премьер-министр Алькала Самора и министр внутренних дел Мигель Маура, оба католики, подали в отставку. Спикер кортесов социал-реформист Бестейро, временно занимавший пост президента Испании, обратился к Асанье с призывом сформировать другое правительство. Поскольку в ходе дебатов о религиозных проблемах Асанья возглавлял правительственные партии, выбор пал, естественно, на него. Его выдвижение несказанно разгневало радикала Лерру, который вместе со своими девятью десятками сторонников перешел в оппозицию. Но и после этого правительство осталось резко антиклерикальным, ибо в него вошли новые либералы, единомышленники Асаньи и социалисты. Тем не менее Алькала Самора согласился стать первым президентом республики. Без сомнения, его соблазнили и солидный должностной оклад и высокое звание. Так что нельзя утверждать, что католики были полностью отстранены от управления государством.

Конституция наконец была принята кортесами в конце 1931 года. Правительству осталось лишь выпустить немалое количество законодательных актов, которые введут в действие статьи Конституции. Первым делом министры занялись «Законом о защите республики». Конституция провоз-

глашала, что в случае чрезвычайного положения на тридцать дней отменяются все свободы. Новый закон давал право министру внутренних дел запрещать все публичные собрания. Это положение подверглось атаке со стороны правых, которые посчитали, что оно прокладывает путь к диктатуре. Но в последний день 1931 года произошел кровавый инцидент, который привлек внимание всей страны.

В далеком пустынном районе Эстремадуры располагалось небольшое пуэбло Кастельбланко, где жили 900 человек. Условия жизни ничем не отличались от всего этого региона. Тут особо не голодали. О насилии не знали. Тем не менее местное отделение CNT обратилось за разрешением провести митинг. В нем было отказано. Анархисты решили настоять на своем. На защиту власти явилась гражданская гвардия.

В то время в ее рядах по всей Испании числилось порядка 30 000 человек. Она была организована в 1844 году, чтобы защищать порядок и спокойствие в сельской местности, в которой долгое время господствовали бандиты. Они использовали методы партизанской войны, доказавшие свою эффективность в войне против Наполеона. Гражданская гвардия была организована наподобие армии, ею командовали офицеры в военных чинах, и возглавлял ее генерал. В ее составе были солдаты и офицеры регулярной армии. Облаченные в зеленую униформу, в треуголках, эти полицейские силы, обитавшие в мрачных казармах, вели себя как армия захват-

чиков. Гражданские гвардейцы никогда не служили в той части страны, откуда были родом. Им не позволялось общаться ни с кем из жителей той деревни, где они были расквартированы. Гражданская гвардия пользовалась репутацией жестокой и безжалостной силы. «Если кто-то вступает в ряды гражданской гвардии, – заметил Рамон Сендер, – то тем самым он объявляет гражданскую войну всем остальным»².

В Кастильбланко в 1931 году гражданская гвардия была столь же непопулярна, как и по всей Испании. Гвардейцев постигла ужасная судьба. Когда они попытались воспрепятствовать митингу CNT, на них напало все население деревни. Четверым разmozжили головы, выкололи глаза, а трупы изуродовали. На одном из трупов впоследствии насчитали 37 ножевых ран. И так же, как в Фуэнте-Овехуне, поселке, чьим именем была названа пьеса Лопе де Веги, привлечь убийц к суду оказалось невозможным. Ответственность пала на всю деревню, а не на кого-либо из ее жителей. За этой трагедией последовали примерно такие же, хотя не столь драматические, события в других пуэбло. В Аренальдо успех оказался на стороне гражданской гвардии, которая дала выход бессмысленному чувству жестокой мести; но в Сальенте, в долине Любрегат недалеко от Барселоны, CNT захватила и удерживала его несколько часов, подняв над ним красный флаг и объявив себя независимой общиной³.

Повторяемость таких взрывов насилия со стороны рабочего класса против режима, похоже, наконец заставила пра-

вительство задуматься над решением фундаментальных социальных проблем, которые вызывали волнения испанских рабочих. Особое внимание следовало уделить сельскому хозяйству Испании.

В 1936 году работоспособное население Испании насчитывало 11 миллионов человек. Два миллиона можно было отнести к среднему классу, два – к его нижнему слою (торговцы, мелкие художники). Четыре с половиной миллиона были заняты в сельском хозяйстве, два или три работали в промышленности или на шахтах. Последней группе, благодаря хорошей организации и потребности в угле, первой удалось добиться сравнительно неплохих условий жизни. Сельскохозяйственные районы на севере, северо-востоке и на Средиземноморском побережье вплоть до Валенсии состояли из приусадебных участков, достаточно больших и плодородных, чтобы прокормить семью. Среди них кое-где встречались крупные поместья. Кроме того, эти районы, в которых была проложена лучшая в стране ирригационная система, были сравнительно близки от промышленных центров Каталонии и Басконии. Остальная же часть сельской Испании пребывала в бедности. В обеих Кастилиях, в Андалузии и Эстремадуре из 1 026 412 «землевладельцев», плативших налоги, 847 548 довольствовались доходом менее одной песеты⁴ в день в ценах 1936 года. На северо-западе, в Галисии, где многие мелкие собственники обрабатывали скромные клочки бесплодных земель, положение было примерно

таким же. В Ламанче и Новой Кастилии на земле работали главным образом фермеры-арендаторы и мелкие собственники. В провинциях Андалузия и Эстремадура преобладали большие запущенные поместья, в которых кормилось множество безземельных батраков. В 1936 году условия жизни во всех этих районах были примерно такими же, как во времена Реконкисты или даже при римлянах. Летом работники могли зарабатывать до шести песет в день, но это в виде исключения. От весны до осени, четыре или пять месяцев, средний заработок этой прослойки колебался между 3 и 3,5 песеты в день. Остальное время года они оставались без работы. Эти сельскохозяйственные рабочие жили в больших запущенных деревнях, которыми славится юг Испании, и никогда не отдалялись от них, ибо тут была жива средневековая потребность собираться всем вместе, чтобы легче держать оборону. В этих пуэбло агенты землевладельцев набирали рабочую силу, когда в ней возникала потребность. С рассветом жители, «одетые в поношенные холщовые куртки и сандалии из пеньки», собирались на деревенской площади, которая становилась своеобразным рынком рабов. Тех, к кому не было никаких политических или производственных претензий, набирали на работу. Но и всем остальным находилось дело, ибо их могли взять на работу в соседней деревне – или даже в Португалии.

Фермеры-арендаторы в этих районах в основном находились на том же положении, что и прочие два класса. Они за-

висели от милости своих лендлордов, у которых на короткие сроки арендовали землю. Обычно платили арендную плату: натурой или деньгами в зависимости от урожая и полученных доходов. Зависели они также и от ростовщиков, которые ссужали им деньги на приобретение рабочего инвентаря.

Большинство землевладельцев в Андалузии и Эстремадуре почти не занимались своими поместьями и работниками. Правда, если им это было выгодно, они все же возделывали землю. Но многие относились к ним как к далеким колониям и лишь изредка навещали. Они доверяли управление своей собственностью местной власти, касикам, которые обеспечивали и политическую стабильность на местах. Те же, что относились к своим батракам как к рабам, тем не менее были почти столь же бедны и безденежны, как и их арендаторы. Они жили в большом доме в окружении слуг и домочадцев, но не могли позволить себе на поезде поехать в Мадрид, не говоря уж о проживании там в гостинице.

Проблемы испанского сельского хозяйства были незаживающей язвой, влияние которой сказывалась на всей стране, и источником силы анархистов. Ибо самыми активными сторонниками CNT всегда были безземельные батраки Андалузии и те жители провинции или их дети, которые перебрались на заводы Барселоны. Если бы республика, прежде чем нападать на церковь, занялась аграрной реформой, то почти все, кроме нескольких крупных землевладельцев, поддержали бы реформаторов. И действительно, аграрный за-

кон 1932 года, представленный в кортесы, почти не встретил сопротивления. Он относился только к Андалузии, Эстремадуре, трем провинциям Кастилии (Сьюдад-Реаль, Толедо, Саламанка) и Альбасете в Мурсии. Все необрабатываемые поместья размерами больше 56 акров должны были перейти в распоряжение Института аграрных реформ, который платил за них компенсацию. Он оценивал суммарную стоимость участка исходя из налоговых поступлений⁵. Государство обеспечивало сохранность земель и затем передавало их или отдельным крестьянам, или их кооперативам⁶. В обоих случаях новым собственником земли становилось государство.

По словам Ларго Кабальеро, который продолжал оставаться министром труда, этот закон стал попыткой «лечить аппендицит аспирином». Он не затрагивал Галисию или большую часть Кастилии, где условия были почти такими же плохими, как и на юге, и лишь осторожно касался такого вопроса, как сельскохозяйственные кредиты. В нем не было никаких новых планов по немедленному орошению засушливых земель. В то время орошались лишь полтора миллиона гектаров, три процента от всей страны. Ирригация могла бы ввести в оборот культурного землепользования еще 6 миллионов акров. Но даже в таком виде закон мог бы стать началом решения аграрной проблемы в Испании, улучшив бедственное положение крестьян. Ведь из-за удивительного разнообразия климата и качества земель самые большие в

мире урожаи (кроме кофе) созревали в Испании. Несмотря на небольшое количество осадков, бедные почвы и обилие каменистых поверхностей, Испания могла бы стать страной с процветающим сельским хозяйством. Ведь еще Гиббон при римлянах назвал ее «изобильной страной».

Надо признать, что сельскохозяйственная революция зависела от дополнительной промышленной и финансовой поддержки. В начале 30-х годов XX века рассчитывать на это было нереально из-за острого кризиса, который и стал основной причиной краха монархии и, усугубившись в промышленном секторе испанской экономики, способствовал падению республики. Подоплека диспутов в кортесе о религиозном образовании базировалась на проблеме закрывающихся шахт и предприятий и падении песеты. Тем не менее по всей республике продукция сельского хозяйства (но не промышленности) продолжала расти⁷.

Примечания

¹ Первоначальный вариант Конституции предполагал поголовный роспуск всех религиозных орденов.

² Нет никаких оснований считать, что этот взрыв насилия был заранее подготовлен CNT или FAI. В то же время легко можно было предположить нечто подобное. Состоялся убедительный пример «пропаганды действием».

³ Правительству потребовалось пять дней, чтобы вернуть город. В результате из страны были депортированы многие анархисты и среди них Дуррути и Аскасо. Последний писал из трюма тюремного судна: «Бедная буржуазия, которой приходится прибегать к таким средствам, чтобы выжить. Они, конечно, находятся в состоянии войны с нами и, естественно, защищаются, убивая и изгоняя нас и делая из нас мучеников».

⁴ Одна песета равнялась шести пенсам.

⁵ Это был бы правильный подход, если бы не стремление уклониться от налогов.

⁶ Этот вопрос стал предметом споров в правительстве между социалистами и либеральными республиканцами. Первые придерживались принципов коллективизации, а вторые – индивидуального хозяйствования.

⁷ Падение промышленного производства и, соответственно, рост безработицы среди промышленных (но не сельскохозяйственных) рабочих стал причиной серьезных обострений в республике. И пусть даже сельское хозяйство оставляло желать лучшего, если бы Испания в полной мере стала разрабатывать залежи своих руд и минералов, (меди, железа, ртути, пиритов и т. д.), то она могла бы войти в число ведущих мировых поставщиков сырья. Испанские шахты работали только на 10 процентов от своих возможностей, хотя могли бы разрабатываться богатые залежи соли, поташа

и серы, а также бурого угля и антрацита. Стремительное течение испанских рек могло бы стать неиссякаемым источником электрической энергии. Конечно, было много и естественных причин, затрудняющих хозяйствование, — особенно засухи и бесплодные земли. Но в течение последних четырех столетий испанцы направляли всю свою энергию на борьбу не с ними, а друг с другом. Варварство христианских завоевателей, заваливших оросительные каналы мавров в Гранаде, должно служить постоянным укором для тех, кто все принес в жертву идеалам.

Глава 7

Каталонский статут. – Баски. – Армия. – Новые заговоры. – Мятеж генерала Санхурхо 1932 года.

Итак, аграрный закон прошел через кортесы, не вызвав больших споров. Неизменно горластая правая оппозиция специально копила силы для рассмотрения статута Каталонской автономии. В 1931 году в Каталонии состоялся плебисцит. За самоуправление был подан 592 961 голос и только 3276 против. Трудно припомнить какие-либо свободные выборы, в которых было бы столь подавляющее преимущество. Кстати, в Конституции республики содержалось положение, что в случае необходимости Испания может обрести «федеративное» устройство; если определенное количество регионов этого пожелают, то получают право выбирать себе форму государственного устройства. К лету статут Каталонии стал законом. Муниципальное правительство Барселоны было реорганизовано в правительство Каталонии и получило название Женералитат – совет средневекового города. Его права были несколько ограничены в области образования, полиции и сбора налогов. Официальными языками признавались испанский и каталанский. Система чем-то напоминала сегодняшнее положение в Северной Ирландии, поскольку Каталония продолжала посылать депутатов в центральный парламент, а также в новый местный, в Барселоне. Ка-

талонцы предполагали, что получают больше власти, особенно в плане контроля над гражданской гвардией. Но в любом случае это было великим событием. Под радостные крики толпы, которая так долго ждала удовлетворения своих чаяний, полковник Масиа появился вместе с Асаньей на балконе Дворца Каталонии.

«Я получил полные заверения, – сказал Масиа, – что Божьим соизволением вы получите этот статут. Но он будет не тем, за который мы голосовали».

Так началась короткая, бурная и трагическая история Каталонской республики.

А тем временем примерно такое же требование самоуправления поступило и со стороны басков.

Народ басков насчитывал примерно 600 000 человек, которые с незапамятных времен обитали на западных склонах Пиренеев. Из них примерно 470 000 жили в Испании, остальные во Франции. Происхождение этого народа остается тайной. О небольшой разнице между басками и испанцами говорит сравнение национальных баскского и иберийского танцев, что отметил еще Страбон. И те и другие жарко, но очень убедительно спорили, что баски – это те же жители Иберии, которые, обитая в своих затерянных долинах, смогли сохранить свою обособленность. Тем не менее баскский язык невозможно сравнить с каким-то другим¹. Единственным достоверным фактом их особого происхождения были сведения источников об обитании еще до начала пись-

менной истории в горных провинциях Испании – Гипускоа, Бискайя, Алава и Наварра² – и частично во Франции некоего сообщества басков.

Основными чертами этого сообщества еще с незапамятных времен можно считать преданность религии, политическую независимость и сельскохозяйственную самодостаточность. Поскольку церковь в этих местах была, так сказать, ближе к земле, то в баскских селениях храмы стали центрами общественной жизни. Муниципальные советники обычно собирались на боковых верандах этих, как правило, приземистых квадратных строений. В самой церкви пуританский подход басков к религии выражался в том, что мужчины и женщины сидели порознь, разделенные или проходом, или этажом: мужчины располагались на галерее, а женщины внизу на скамьях храма. Баскские священники утверждают, что в 1936 году 99 процентов сельского населения Гипускоа, Алавы и Бискайи и 52 процента жителей промышленных районов (те, кто были басками по крови) исправно придерживались всех требований христианства.

Начиная с раннего Средневековья каждые два года представители всего мужского населения старше 21 года собирались под дубом в Гернике, в провинции Бискайя. Здесь монарх или, чаще, его представитель приносил клятву, заявляя, что будет уважать права басков. Затем избирался исполнительный совет, которому предстояло править очередные два года. И древний дуб, и город Герника были святы-

нями басков, они привнесли в политическую жизнь древнее почитание дубов. Эти обычаи укоренились еще до вторжения мавров, с которыми баски никогда не воевали. Несмотря на такие отличия, баски всегда оставались неотъемлемой частью Кастилии³. Когда Кастилию отвоевали у мавров, большая часть ее была заселена баскскими поселенцами. Первые реальные попытки национального самоопределения басков датируются началом XIX столетия, когда в силу своего яркого католицизма, а также местного патриотизма баски вступили в армию карлистов, поддержав их в войне против антицерковников-либералов из центра. В результате в 1939 году местные права басков были аннулированы.

Гнев, который это решение вызвало у кастильцев, усилился во второй половине XIX века, подогретый индустриализацией Испании. Баски с давних времен были известны как хорошие кораблестроители, ибо в Бискайе не было недостатка в дереве – там росли густые дубовые леса. К концу XIX века Бильбао стал крупным промышленным городом, поскольку в его окрестностях были обильные и легкодоступные залежи железных руд. В XX веке 45 процентов торгового флота Испании построили в Басконии; почти все производство металла также переместилось туда. В Бильбао образовалось общество, многими чертами напоминающее то, что сложилось у главного торгового партнера басков – Британии. Крупные баскские банки обеспечивали надежную сохранность вкладов среднего класса, их отделения были открыты по всей Ис-

паний. Сами финансисты обитали в ухоженных поместьях и проводили время в своих клубах. (Тем не менее рабочий класс Бильбао оставался далеко не столь англоязычным, сохраняя свои бытовые привычки.) А баскские и каталонские бизнесмены недвусмысленно поддерживали своим весом и немалым влиянием романтиков, возглавляемых Сабино Арана-Гойри, которые начали требовать восстановления местных прав, отмененных сравнительно недавно. Требования басков о введении самоуправления всегда были выдержаны в достойной манере. Их приверженность римско-католической церкви стала причиной неудачи попыток быстро достичь соглашения с республиканцами или левыми партиями, которых они уговаривали поддержать требования об автономии со стороны любого региона. Так, баскские депутаты покинули кортесы, когда шла дискуссия о клерикальных статьях Конституции. Тем не менее в конечном итоге все же был разработан статут Басконии, который должен был обеспечить ей почти такой же уровень автономии, которого добилась Каталония. В июне 1932 года делегаты четырех провинций встретились в Памплоне. Представители Наварры незначительным большинством (123 голоса против 109) отвергли статут. Но их отношение отличалось от точки зрения большинства басков, и представители трех остальных провинций подавляющим большинством голосов приняли статут. Их точка зрения была одобрена плебисцитом, прошедшим в трех провинциях⁴. К тому времени все классы и группы

провинций Басконии, включая социалистов⁵, многие из которых были иммигрантами из Астурии, Андалузии или Галисии, поддерживали требование частичной независимости. По сути дела, они одобрили древний баскский лозунг: «За Бога и наши древние права». Тем не менее никакого союза между баскскими националистами и организациями рабочего класса не получилось.

Баскские сепаратисты были еще большими националистами, чем каталонцы. Их движение держалось на противостоянии антиклерикализму республики. Не в пример Барселоне, рынки сбыта и источники сырья басков находились за пределами Испании. Они были убеждены, что смогут прожить на своей древесине и металле. Этот мирный народ не любил споры и терпеть не мог войны. Легко понять, почему они считали, что Испании с них более чем достаточно. Трагическая же ирония заключалась в том, что именно неприязнь к самой Испании вовлекла их в гражданскую войну и в конечном счете уничтожила.

Лидером баскских националистов стал молодой юрист Хосе Антонио Агирре, выходец из среднего класса, из семьи с карлистскими взглядами. Он многим был обязан своей приятной внешности, молодости и спортивными успехами в Атлетическом клубе Бильбао⁶.

Сравнительные успехи двух сепаратистских партий в Каталонии и в провинциях басков вызвали отзвуки по всей Испании. Сепаратистское движение в Галисии началось еще

во времена диктатуры Примо де Риверы. Статут галисийской автономии составлял тот же Касарес Кирога, министр внутренних дел в правительстве Асаньи. Такие же непростые проблемы обсуждались и в Валенсии, и даже в Кастилии. Казалось, что Испания снова расколется, вернувшись ко временам городов-государств. Это была еще одна причина скрытых опасений правительства и желания прибегнуть к силе.

Церковь и многие уважаемые представители среднего класса отстранились от республики из-за антиклерикальных статей Конституции. Землевладельцы были разгневаны аграрным законом. Более всего статутом Каталонии и явным развитием событий в сторону федеративного Испанского государства возмутилась армия.

Остались в прошлом те дни, когда француз Брантом мог испытывать гордость за человечество, видя, как испанцы направляются на войну во Фландрии «подобно принцам с их надменной неподражаемой грацией». В настоящее время возможности испанской армии вызывали серьезные сомнения даже по своей подготовленности. Веллингтон, на чьей стороне дрались испанцы, оценил их как отважных, но совершенно недисциплинированных солдат. Английские наблюдатели во время карлистских войн отмечали то же самое. Первая из этих войн завершилась не победой на поле боя, а компромиссным соглашением, по которому все офицеры карлистов получали право служить в регулярной армии с сохранением полной зарплаты. Так началась долгая эра пре-

обладания офицеров в численном составе испанской армии. Например, в последние годы монархии на 207 000 солдат приходилось 19 906 офицеров (включая 219 генералов) – то есть один офицер на каждые десять рядовых⁷.

Утверждали, что эти силы созданы не для обороны от зарубежных врагов Испании, а для того, чтобы блюсти порядок в самой стране. Еще со времен Наполеоновских войн офицеры испанской армии привыкли использовать военную силу для руководства политической жизнью страны. Кроме карлистских войн с 1914-го по 1923 год состоялось не меньше сорока трех «пронунсиаменто», успешных и провальных. С 1968-го по 1875 год армия сместила монарха, призвала другого принца из Италии, установила республику, восстановила порядок, а вслед за ним и монархию. Хотя поражение в испано-американской войне 1898 года стоило ей немалой доли престижа, когда в 1905 году какая-то каталонская газета нанесла «оскорбление чести армии», это привело к совершенно удивительному соглашению: все нападки на армию будут караться теперь по законам военного времени. В 1917 году армия сокрушила всеобщую забастовку, хотя в то время она переживала медовый месяц увлечения синдикалистскими идеями. С 1923-го по 1930 год в Испании существовала военная диктатура генерала Primo de Rivera, и он оставил свой пост, лишь получив сообщение, что гарнизоны его не поддерживают. А тем временем совершенно провальные с военной точки зрения марокканские войны, которые дли-

лись с 1909-го по 1927 год, дали армии массу возможностей для самовозвеличивания и самовосхваления. Сомнительно, чтобы с такой политической биографией она надолго удержала бы свой престиж в истории республики.

В силу этого Асанья, став военным министром, решил уменьшить власть и влияние армии. Со своей фатальной способностью выдавать фразы, которые надолго оставались в памяти, он заявил, что собирается «растереть в порошок» военную касту. Асанья решил это сделать, отменив особые юридические права армии, обусловленные Законом о юрисдикции 1905 года. Он ликвидировал Высший совет армии (и флота) и поставил военные силы под контроль обыкновенных судов. Асанья снял также с постов восемь капитан-генералов, которые пользовались едва ли не вице-королевской властью в восьми старых провинциях или регионах Испании. Он поставил всех офицеров перед выбором: принести присягу на верность республике или выйти в отставку с полным пенсионом. Многие воспользовались этим великодушным предложением и, подобно генералам Понте и Оргасу, стали проводить время, плетя заговоры против нового режима. Кроме того, Асанья стал сокращать армию, без сомнения имея целью сделать ее более компактной и эффективной. Но другие его меры – например, аннулирование повышения по службе, полученного за отвагу на поле боя, – привели к тому, что Асанья и его правительство стали крайне непопулярными в ортодоксальных офицерских кругах. Хотя

он сам постоянно утверждал, что, по его мнению, нет человека более верного республике, чем обыкновенный офицер. И когда генеральный инспектор армии генерал Годед (кстати, весьма политизированный) помог «пронунсиаменто» генерала Примо де Риверы, а потом неудачно выступил против него – арестовал полковника-республиканца Хулио Мангаду за то, что тот выкрикнул: «Да здравствует республика!» в ответ на генеральский клич во славу Испании на общем обеде, – Асанья поддержал его и арестовал Мангаду за несоблюдение субординации. Тем не менее многие из строевых офицеров продолжали выражать свое недовольство.

Во времена республики в испанской армии было 15 000 офицеров, а под их командованием находилось 115 000 солдат, которые, кроме Иностранного легиона и туземных марокканских частей (их называли Африканской армией), состояли из призывников, исполнявших свой долг перед страной. Формально служить полагалось два года, но на практике этот срок редко превышал восемнадцать месяцев. Эта армия (опять-таки кроме Африканской) состояла из восьми пехотных дивизий, одной кавалерийской, двух горно-стрелковых и двух артиллерийских бригад. Она была размещена по всей Испании в гарнизонах, которые обычно стояли в столицах провинций. Подлинная численность армии была, без сомнения, меньше, ибо многие части оказались небоеспособны. Часть старших офицеров сражались в марокканских войнах⁸ и с ностальгией вспоминали атмосферу боевого товарище-

ства. Там, хотя многие из них погибли, была возможность быстрого продвижения по службе и свобода от жестких требований военного устава. Политическая некомпетентность Мадрида заставляла их вести войну со связанными руками и ногами, не имея в достаточном количестве оружия и боеприпасов. После того как Примо де Ривера с помощью Франции наконец разбил рифов, офицеры, которые сделали себе имя в этих тяжелых кампаниях, продолжали восторженно вспоминать две силы, которые и помогли им одержать победу. Это был Иностранный легион, состоящий, несмотря на свое название, в основном из испанцев с примесью португальцев, немцев и французов; создан он был в 1920 году как ударная сила. А также мавританские туземные части, полусолдаты-полуполицейские, в чьи задачи входило удержание завоеванных территорий. Иностранный легион пользовался репутацией части, склонной к неконтролируемому насилию. Любимым девизом там было выражение: «Долой умников! Да здравствует смерть!» Обои частями командовали испанские офицеры, и в 1936 году их численный состав насчитывал 34 000 человек.

Многие из них по традиции видели национальную идею в великой вечной кастильской Испании, где они должны, не занимаясь политикой, блюсти порядок, отторгая все неиспанское (под которым они понимали сепаратизм, социализм, масонство, коммунизм и анархизм). Военные были убеждены, что присяга, которую они давали как офицеры («хранить

независимость страны и защищать ее от всех врагов, внешних и внутренних»⁹), выше клятвы на верность республике. Средний испанский офицер был не очень доволен жизнью, часто испытывал раздражение и придерживался правых взглядов. В этом плане он не отличался от всех прочих офицеров в других странах в мирное время. В Испании, как и повсюду, молодой офицер, пока еще получавший финансовую помощь от семьи, в целом был счастлив, особенно в то время, когда его стройная фигура, облаченная в блестящий мундир, кружила головы девушкам на выданье из соседских семей. Затем следовал краткий период обручения, производство в капитаны, брак. Росли расходы, поскольку репутации требовалось поддерживать, а жалованье оставалось низким. Военное рвение молодости испарялось. Светский лев балльных залов превращался в обыкновенного помятого жизнью служаку государства. Его жена мучилась и старела из-за постоянного безденежья и завистливо указывала мужу на некогда презираемых им штатских современников. Такой образ жизни характерен для массы офицеров во всех странах. В Испании хоть был какой-то выход. Офицер мог принять участие в перевороте, который в случае успеха вознес бы его куда выше друзей из числа либералов и коммерсантов.

В силу всех этих причин заговор, во главе которого стоял монархист генерал Оргас, имел серьезные шансы на успех. Секретная организация, целью которой было создание «революционной ситуации в армии», UME (Военный союз Ис-

паний), решительно взялась за дело. Летом 1932 года Каталонский статут вызвал бурю эмоций среди офицеров. Дело было не только в том, что фактическое создание Каталонского государства угрожало целостности Испании, которую офицеры поклялись защищать. Каталонское самоуправление, похоже, открыто уязвляло армию, стараниями которой в Барселоне с 1917-го по 1923 год действовали законы военного времени.

Разве не к каталонским националистам генерал Примо де Ривера отнесся куда жестче, чем к многим другим своим критикам?

В то же самое время составлялись и иные планы, направленные против республики. То и дело спорадически проводились встречи, начало которым было положено на Калье-Алькала в мае 1931 года. Число их участников ширилось. В конце 1931 года король Альфонс, находящийся в изгнании, отказался от бывшего осуждения своих мятежных сторонников. За сим последовал судебный процесс над ним и приговор к пожизненному заключению *in absentia*¹⁰. Наконец был подписан пакт между его партией ортодоксальных монархистов «Обновление Испании» и сторонниками дальнего родственника короля дона Хайме, карлистского претендента на престол. Ортодоксальные монархисты испытывали предубеждение, обоснованное с точки зрения Конституции, к переговорам с карлистами, которые ныне взяли себе более respectable имя традиционалистов. Так или иначе, эти

две группы формально согласились сотрудничать. Их альянс получил название TYRE («Традиционалисты обновленной Испании»). Тем не менее, когда вскоре после этого дон Хайме скончался, его наследник, пожилой дядя дон Альфонсо Карлос (во Второй карлистской войне он командовал дивизией), денонсировал это соглашение, и к тому же сами карлисты разделились. Неукротимые сторонники дона Альфонсо Карлоса попытались возродить память об их прежнем сильном «сообществе» — они не хотели считать себя обыкновенной политической партией. Можно было предполагать, что, как и в XIX столетии, самую весомую поддержку они получают в Наварре. Хотя в этой провинции и во многих деревнях пользовались баскским языком, политические события прошлого и сегодняшнее экономическое развитие побуждали Наварру следовать не столько за баскскими националистами, сколько за карлистами. Ибо наваррцы представляли собой сплоченную группу сельских хозяев, обитавших у подножия Пиренеев. Причина, по которой они в массе своей выступали против Баскского статута, была проста — в Наварре не было ни бизнесменов, ни буржуазии, которым хотелось бы вести западный образ жизни и свободно заниматься коммерцией. Наваррцы были ревностными католиками, и их священники не собирались модернизировать или гуманизировать христианские доктрины. Путешествие в Наварру в полной мере возвращало в Средневековье. Нет необходимости говорить, что антиклерикальные реформы республики вызвали в На-

варре резкое неприятие и сами по себе пробудили к жизни старый дух этих пиренейских долин – к середине 1932 года практически не было ни одного крупного города, где не существовало бы отделений карлистского движения. Обычно ими руководили аристократы, не гнушающиеся насилием.

Политические идеи карлистов были достаточно примитивны. Несколько лет назад группа политиков обсуждала идею возвращения монарха. При этом присутствовал граф Родесно, высокий циничный аристократ, возглавлявший в кортесах партию традиционалистов. Один из политиков повернулся к нему и спросил, кто мог бы быть премьер-министром в случае возвращения короля. «Вы или один из этих джентльменов, это же чисто секретарские дела». – «Но чем бы вы стали заниматься?» – «Я? – воскликнул граф. – Я бы пребывал при короле, и мы говорили бы об охоте». Политика, построенная на разговорах об охоте, – такова была сущность карлистских взглядов на развитие общества. Ортодоксальные монархисты – это, как правило, весьма богатые люди, крупные землевладельцы, финансисты. Среди карлистов же нередко можно было встретить полностью обедневших аристократов с безукоризненной генеалогией, которые тем не менее были не в состоянии расплачиваться с долгами.

Так что не было ничего странного в том, что глубокая, полумистическая религиозность карлистов заставляла их с откровенной враждебностью относиться к современному миру (особенно к либерализму и к Французской революции). Они

были страстно преданы своему девизу: «За Бога, Отечество и короля». Но если анархисты верили, что создадут новый мир с помощью пистолета и энциклопедии, то карлисты испытывали такую же веру в пулемет и католический молитвенник.

Все эти заговоры постиг преждевременный конец в ходе неудавшейся попытки «пронунсиаменто» генерала Санхурхо в августе 1932 года. Генерал относился к числу самых известных вояк в Испании. Ветеран испано-американской войны, он командовал войсками до самого конца марокканской кампании. Именно он, «Рифский Лев», в 1927 году вернул Испании победу. Ранее Санхурхо принимал участие в «пронунсиаменто» Примо де Риверы в 1923 году. Он был смелым и крепко пьющим, пользовался репутацией ловеласа, и его выразительная физиономия представляла собой странное сочетание вялости и силы. В 1931 году он командовал гражданской гвардией и сообщил королю, что тот не может рассчитывать на его корпус в деле спасения монархии. В 1932 году, получив пост командующего карабинерами (пограничной стражей), генерал легко позволил себя убедить друзьям из числ а монархистов и соратников по армии, что его обязанность – поднять мятеж против республики. «Вы единственный, мой генерал, можете спасти Испанию», – говорили они ему¹¹. Сам же Санхурхо, похоже, сомневался в исходе дела и не уделял большого внимания организации заговора. Тем не менее его откровенно потрясла трагедия в Кастельбланко. Он лично посетил деревню и слы-

шал рассказы свидетелей, как деревенские женщины водили свои жуткие хороводы вокруг трупов солдат гражданской гвардии. В заговоре активно участвовали несколько лидеров карлистов и фанатичный молодой юрист из Андалузии Фаль Конде. Становой его хребет составляли офицеры-аристократы, включая многих из тех, кто с мая 1931 года участвовал в конспиративных встречах¹². Но цели мятежа просматривались весьма слабо. Это был не столько призыв к восстановлению монархии, сколько попытка просто свергнуть «антиклерикальную диктатуру Асаньи». Тем не менее в своем манифесте Санхурхо использовал точно те же слова, которые два года назад взяли на вооружение приверженцы республики: «Из самых глубин народа идет страстное требование справедливости, и мы решили удовлетворить его... Когда существуют Закон и Справедливость, революция всегда будет преступлением или сумасшествием. Но когда господствует Тирания, революция неизбежна».

До начала мятежа молодой летчик, майор, монархист Ансальдо отправился в Италию, чтобы попытаться получить поддержку со стороны итальянского фашистского режима. Он встретился с маршалом Бадольо, который пообещал ему в случае победы оказать дипломатическое содействие. В самой Испании группа новоиспеченных фашистов, так называемая Националистическая партия Бургоса, возглавляемая доктором Альбиньяном, также оказала мятежникам поддержку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.